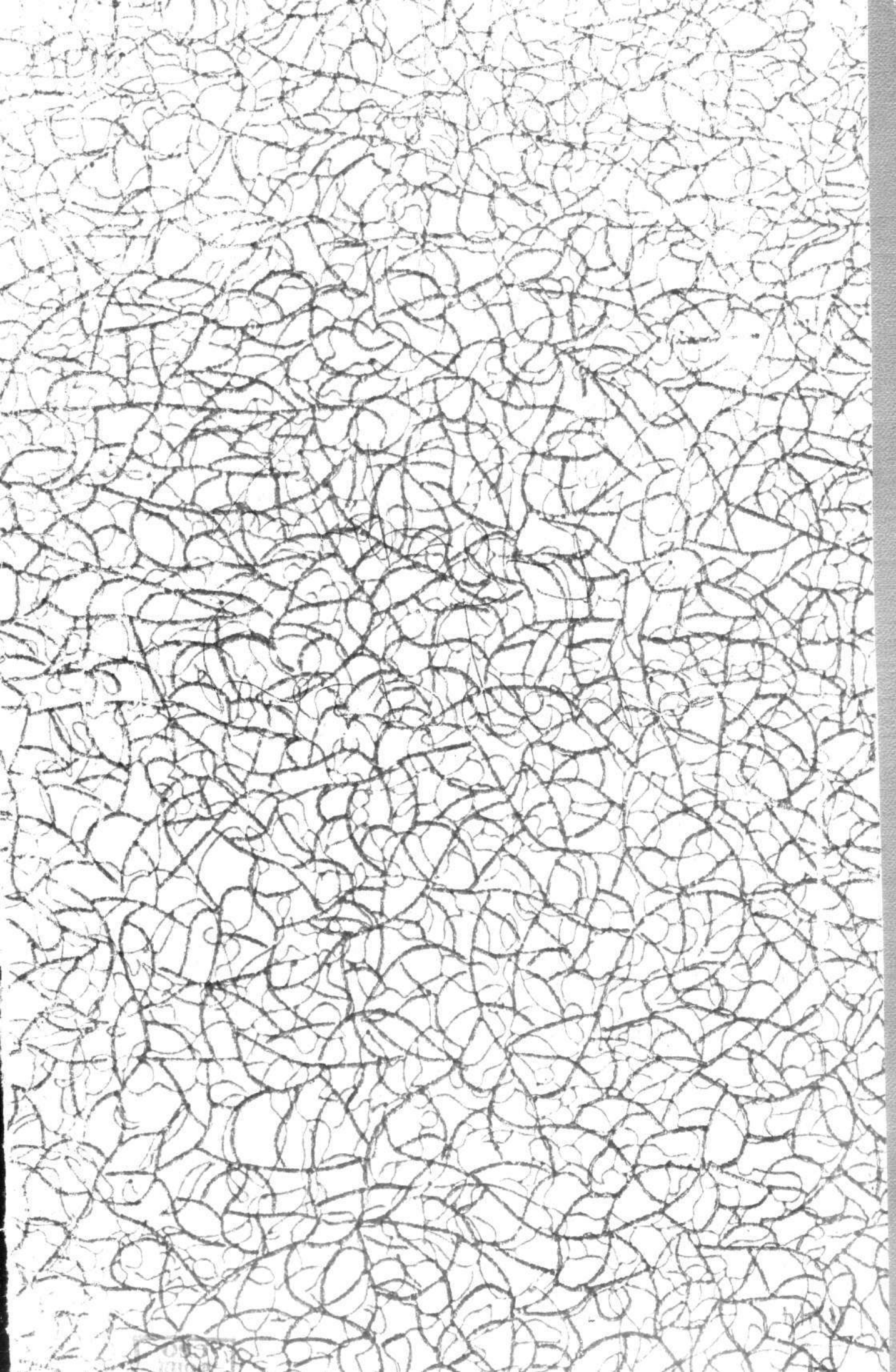

ХРИСТИАН ПАЛЛО

ПЕРВЫЕ ЭСТОНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ИЛИ

40 ЛЕТ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Перевела с эстонского

Е. БЫЧКОВА.

Ю Р Ь Е В,

1 8 9 7 г.

ОТ АВТОРА.

Дорогие эстонские братья и сестры!

Здесь приветствует вас неизвестный сородич из Самарской губернии и просит принять его повесть о жизни и быте первых эстонских переселенцев в Самаре, поскольку он мог собрать об этом сведения. Те или иные сведения доходили от самарских братьев до родины, но о том, как живут в Самарской губернии первые эстонские переселенцы, никто, будто, не писал. Хотя я себя и не считаю большим знатоком, все же попытался осветить важнейшие стороны жизни и быта поселенцев в первые и последующие годы.

Пусть эти слова будут вместо предисловия.

Автор.

ОТ ПЕРЕВОДЧИЦЫ.

При переводе с эстонского встретилось немало затруднений. Имеющиеся в библиотеке эстонско-русские словари часто не имели слов, следовательно и перевода, выражающих понятия в условиях быта Нижнего Заволжья, так не похожего на Прибалтику, особенно в то время. Пришлось прибегнуть к общим энциклопедическим словарям и другим литературным источникам, чтобы в соединении со знанием языка и жизни села найти перевод. Проверялись даты различных правительственных установлений, где могли быть и типографские опечатки.

Не взяты в перевод некоторые неподдающиеся проверке данные.

Непонятными могут показаться нам выражения: приходский судья на 2 волости с.7 и на стр.15: Новгородский приход, Лоози волость; приход и волость Загниц. В Лифляндской и в части Новгородской губ.

церковь объединяла несколько поселений в приход с гражданскими и судебными функциями. Приходы сохранились некоторое время и после введения волостей.

На стр.29,30 приведен "землемер Петров". В подлиннике Петров назван лесничим. Земельными делами мог заниматься только землемер, (в данных ему границах), тем более в степном Заволжье. В селе Лифляндке обычно говорили: поехали в лес, ночевали в лесу, вместо: поехали в поле и т.д., называя поле лесом, по привычке из Эстонии, где помещики, в начале XIX века, отводили освобожденным без земли крестьянам новые участки в лесу и т.д.

В дополнение переводчицей сделаны сводные таблицы: 1) Начало пашни и посева весной - по годам записи. 2) Урожайные данные. 3) Составлен краткий предметный указатель.

НАЧАЛО ПАШНИ И ПОСЕВА ВЕСНОЙ.

Годы	Даты	Годы	Даты
1879	10 апреля	1890	14-21 марта
1880	23 "	1891	28 марта-1 апреля
1881	1 "	1892	11 апреля
нет записи		1893	23 марта
1888	17 апреля	1894	8 апреля
1889	11 "	1895	5 "

УРОЖАЙНЫЕ ДАННЫЕ С ДЕСЯТИНЫ И ЦЕНЫ С ПУДА - ПО ГОДАМ.

1860	-	Засуха, неурожай - 5,6 пудов с десятины
1861	-	Около 65 пуд. - цена 25 коп.
1862-1863	-	Около 80 пуд. - цена пшеницы 25-50 коп.

- 1864-1866 - Малоурожайные, в среднем около 12 пудов
- 1867-1869 - около 90 пуд. - цена 40 коп.
- 1870 - 90 пуд. Цена 80 - 130 коп.
- 1871-1876 - Нет данных
- 1877-1878 - Мало урожая и цена 100 коп.
- 1879 - Голодный год. 12 пудов в среднем; дергали руками. Падеж скота.
- 1880 - Голодный год. Веснопашка 1-2 пуд. Цена до 2 руб.
- 1881 - Обильный урожай - 100-150 пуд. Цена 120-150 коп. пшеница
- 1882 - Удовлетворит., средний урожай
- 1883 - 60 пудов веснопашка и 100-120 пуд. по зяби. Цена 100 коп.
- 1884 - 60-80 пуд. пшеница; 5-10 пуд. рожь.
- 1885 - Голод. 5-10 пуд. Цена 120 коп. пшеница белотурка.
- 1886 - Бедный урожай в Лифляндке пшеницы, хороший - ржи-80-100 пуд. Цены низкие. В районах Еруслана хороший урожай
- 1887 - 40-50 пшеница по цене 120-135 коп., ржи мало
- 1888 - Неурожай. Суслик
- 1889 - 30-40 пуд. с душевой земли и 60-80 пуд. с казенной. Цена 115-125 коп. белотурка и 100 коп. русская мягкая пшеница.
- 1890 - Суховей. Голодно. 15 пуд. белотурка по цене 80-85к. Мягкая пшеница - 20 и более пуд., цена 70 коп. Рожь 8 пуд.
- 1891 - Суховей. Голод. Местами, 2-3 пуд. веснопашка; 10-12 пуд. по зяби.
- 1892 - 10-40 пуд. веснопашка, 100-120 пуд. по зяби. Цена 100-115 коп. Саранча.

- 1893 - 40-50 пуд. белотурки; 30-40 пуд. мягкой пшеницы; ржи 25 пуд.
- 1894 - Урожай средний. В районе Новоузенска и Еруслана до 100-150 пудов
- 1895 - 30-40 пуд. белотурки, цена 62-65 коп.; 15-20 пуд. мягкой пшеницы, цена 50-55 коп.; 15-20 пуд. ржи, цена 32-35 коп.

По литературным данным в книге: Новоузенский уезд в ^и хозяйственном и естественно-историческом отношении, т. I, 1912, с. 125.

Засушливые годы: 1871, 1876, 1879, 1880, 1885, 1890, 1891, 1895.

Страницы

Аренда казенной земли	I8, 23, 35, 5I
Аренда (продажа) душевых наделов	49
Быт и нравы	62, 79
В пути	8
В селе Карпенко	I4
В селе Красный - Яр	I3
В Саратове	II
Власть, порядок, суд	72 - 78
Водка и пьянство	48, 66, 79, 83
Голод и помощь	I9, 20, 40
Жилища, постройка	I6
Займы государственные под хлеб	52
Запасно-хлебные магазины (амбары)	22, 42, 47
Землепользование	I5, I7, 78
Киргизы	8I, 86
Лифляндка, основание села	I5
Народности другие	84
Оstreц. сенокосы	I8, 20
Покупка земли в собственность	I8, 39
Посев, способ	54
Поселенцы, новые и переселения их	I4, I6, 35, 38
Продажа, сбыт хлеба	60
Рабочие с.-х. - найм на сенокос и уборку хлеба	2I, 29, 44, 57
Религиозная секта	33

	Страницы
Ремесла с.-хоз.	61
Саранча	34, 46, 50
Сельско-хозяйственные работы в году	54 - 60
С у с л и к	36
Топливо, приготовление кизяков	56
Упадок хоз-ва в Новоузенском уезде	47
Хлопоты о получении земли в Новоузенском уезде	13
Холера	44
Церковь и богослужение	68
Ш к о л ы	71
Эстонские поселения, другие	83

ПЕРВЫЕ ЭСТОНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

или
40 ЛЕТ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
Х.ПАЛЛО.

Юрьев, 1897 г.

цена 35 коп. дозволено цен-
зурой 16/УШ 1897 г.

Перевод с эстонского Е.Бычковой.

I. Беседа трех мужчин.

1854 год. Сентябрь 28-го. Утро. Моросил дождичек, который все-же не мог загнать под крышу картофелекопателей имения Ваймела потому, что в полной силе была палка погоняйло (надсмотрщика) и желание укрыться от дождя имело-бы печальные последствия.

К вечеру прояснилось, дождь перестал и труженники полей радовались концу рабочего дня. Работники с лошадьми, кончивши недельную повинность, с отметками поденщины в кармане, спешили домой. Наступающие сумерки покрывали поля Ваймелы и тишина царила в природе, но царила-ли тишина в душе барщинников имения Ваймелы? Это вопрос. Проехав около версты, они **увидели** двух мужчин, спешивших к крестьянскому двору Остра. Некоторые из пожилых приняли их за ранних ночных бродяг, более молодые молчали.

Пойдем теперь вместе с читателем ко двору Остра и послушаем, какую-же беседу ведут с хозяином эти ночные странники. Хозяин крестьянской усадьбы Остра, мужчина лет 30-ти, без бороды, с серьезным и острым взглядом, сидел под окном в глубоком раздумье, едва заметив двоих подошедших.

"Добрый вечер сосед Войдра", так звали хозяина. "можем-ли мы называть тебя еще хозяином усадьбы Остра и как вообще твои дела?" - "Плохо, други!" Час тому назад пришел из поместья с известием, что мое жилище переносят совсем отсюда на другой участок, в то-же время, как **таковов** Кикки остается на старом месте. Но мне совсем не нравится перебираться и указанные **баршином** место для дома и поле.

В прошлую неделю только я был в имении и он сказал, что мой дом остается на месте. По народной молве надсмотрщик Калинин, из зависти, спутал мои дела у барина, так что сейчас я и сам не знаю, с чего начать." — "Да, дела плохи; со своей стороны начал говорить старший спутник Юхан Котврид: У помещичьего надсмотрщика, повидимому, неограниченная власть. Со мной он тоже сыграл невиданную ранее штуку. Как вы, вероятно, слышали я уже более недели уволен от должности лесника. Мырси и мое место занял сын Калинга, конечно, с согласия Рихтли, так что я, старый слуга поместья, должен просить теперь милостыню у добрых людей, ибо в поместье нет для меня подходящей крестьянской усадьбы, или какой-либо другой службы. Зима на носу и без жалости угрожает всякому, кто без работы и угла." — "И моя голова идет кругом"; — молвил третий собеседник Петер Хаугас, взяв слово: — в этом году кончается мой срок аренды хутора и барин уже предупредил, что я должен платить аренды на половину больше, если я хочу остаться на месте, а где у крестьянина источники денег, на которые он мог бы рассчитывать в случае нужды, а арендатору нужны деньги и на батраков и куда ни глянь, все не достает денег на неотложные нужды. Ходил просить барина уменьшить повышение ренты, но напрасно; он остался при своем."

Так рассуждали мужики. Как известно, в это время, вообще, было мало арендуемых хуторов; в Ваймела волости только два: Трумми и Мые-Рябу. Арендатор Мые-Рябу хутора ^{Хаугас} был почетный человек в имении, ибо в делах улучшения скотоводства и врачевания животных, он был первым и барин был к своему верному слуге милостив, но в данном случае и ему не делал снисхождения.

Так открывали друг другу свои думы и печали собеседники, но путь к улучшению дела оставался неизвестным.

После долгого молчания хозяин сказал: "Ходил я и к главному судье узнавать про извещение губернатора, но судья сказал, что у него нет никакого извещения из губернии, хотя по слухам, таковое должно бы прийти, и в нем говорится, что двадцатая часть крестьян волости могут выехать "на пустые земли" в южную часть России. Но возьми их!"

Во время беседы в избу вошел старший брат хозяина Ю.Войдра и с интересом слушал конец разговора; потом добавил: "Об этом деле я сегодня получил более точные сведения. Портной М.Корроль еще сегодня рассказывал мне, что Ярвере судья Ян Тюльк показал ему такое письмо и при этом объяснил, что господин приказал отдать это извещение даже учителю, чтобы тот прочитал перед всем обществом." - "Время выяснит все, проговорил на это хозяин - но стена, ограничивающая нашу свободу, слишком высока и кирпичи, которые при разрушении ее будут падать на горячие головы, могут легко свернуть им шею и причинить неизлечимые раны. Все-же не надо падать духом! Мой совет таков: брат Юхан! Ты поезжай завтра утром с портным в Ярвере к судье и попроси его быть таким любезным и дать это объявление, если оно вообще есть, нам почитать. За это мы были-бы ему до гроба благодарны." - "Как ты велишь, брат", ответил Юхан - так я и хочу повести это дело." - "А мы - говорит хозяин - поедem завтра в Быру поговорить с г.г. Хельмерсен и Ранг. Может быть они нас поддержат."

Так было положено начало решению о переселении и проведены первые знаменательные вехи.

Уже на следующий день приятели поехали в город Быру поговорить с Хельмерсен и Ранг, которые приветливо встретили жаждущих совета

крестьян. Ранг, старый торговец г. Выру, рассказал, что в молодости он закупал лошадей в Саратове — городе и губернии. Он хорошо помнит землю и народ. По берегу Волги в немецких колониях проживает культурный народ; земля хорошая и исстари дает обильные урожаи знаменитой пшеницы, без удобрения и всяких искусственных пособий. У немецких поселенцев большие огороды, где растут сладкие плоды, вроде арбузов, тыкв, дынь и другие дорогие растения; народ вольный и не знает помещичьей палки. Обработка земли будто такая легкая, что посеи только семя в жнивье, запаши плугом — и все готово! И если господь время от времени пошлет живительной влаги, крестьянин может быть спокоен. И таких счастливых картин рисовал он им еще много. Они хотя и надеялись получить от господ более основательные сведения, но поблагодарили и за это. Дома они встретили уже Ю.Войдра и портного с помянутым выше объявлением.

Объявительная грамота была выдана губернатором г. Риги и содержала на трех языках: эстонском, латышском и немецком, следующий текст: Из Лифляндской (Ливонской) губернии, из каждой волости по 1/20 части крестьян, могут выехать на пустующие земли в южную половину России и т.д.

Едва-ли можно описать радость наших жаждущих переселения крестьян — так радовался-бы заключенный в тюрьме известию о свободе.

Много было построено планов, но подходящего пути не найдено. Идти с объявлением прямо в имение, или в приходский суд никто не решался, боясь испортить дело. Ю.Войдра надумал, что, м.б., лучше переселиться куда-либо поближе, в Псковскую или Петербургскую губернию потому, что знаменитый Саратов очень далеко, а длинная дорога может отбить желание к путешествию раньше, чем доедем до цели. В прошлом году (по слухам) переселились на пустующие земли

10 семей из Латвии, из волости Юмерда. Поэтому лучше поехать туда и узнать, куда поехали латыши, и если у них все благополучно, последовать за ними. Этот совет был принят. Еще до того, как снег покрыл земли Выру, Юхан Войдра и Юхан Котврид поехали в Латвию - в волость Юмерда (на границе Эстонии и Латвии). Через реку Роове путешественников повезли на пароме. Хозяин парома - латыш - к счастью знал эстонский язык. Когда наши рассказали ему о цели своей поездки, он пожал плечами и сказал, что, действительно, в прошлом году 10 семей из Юмердской волости выехали на пустые земли, но неизвестно куда, и сейчас, во время войны, опасно выведывать такие вещи уже потому, что вас могут принять за сбежавших рекрутов и тогда вы готовые солдаты! Опасность грозила еще и потому, что в волости никто не понимает эстонского языка. Не сделав ничего - пришлось вернуться.

В этот же день, после заката солнца, наши друзья опять встретились в доме Остра. Многое придумывали, но ни к чему не пришли. Что-же делать, кроме того, что 10 ноября (в мартов день) дать знать в поместье, что на предложенных барином условиях, мы не можем удерживать наши дома, и если он не уступит, тогда, конечно, останемся без крестьянских усадеб.

Настало 10 ноября и наши друзья отправились в имение, откровенно поговорили и еще настойчивее просили помещика изменить свои требования. Уступок в поместье им не было, и с этим дело было покончено. Друзья пришли с известием, что в будущей весне в Ваймельской волости им уже нет убежища.

Так как дело длилось несколько месяцев, то число желающих выселяться увеличилось и совещания перенесли из дома Остра в таковой

Трумми.

"Теперь, друзья", — сказал Юхан Котврид — земля отцов и дедов горит у нас под ногами, и мы должны, как Лотт в свое время, поскорее отсюда убираться. У меня есть еще один совет, который я хранил в тайниках своей души: мы должны съуметь настолько задобрить барина, чтобы он собственноручно выдал нам разрешение на выезд; без этого навряд-ли возможно обойтись."

Владелец поместья Ваймала вовсе не был к своим подчиненным злым человеком; его можно было задобрить, особенно, если уметь ловко и толково представить ему дело. Народ говорил, что у него нет настоящего богатства, но свое господское достоинство он всегда умело поддерживал.

Приблизительно через две недели наши друзья опять шагали к имению. Барин был в духе и можно было надеяться на хорошее. — "Чтимый барин", — начал Юхан Котврид — пришли опять Вас беспокоить. Так как у нас дома теперь мало работы, мы хотели-бы начать перевозку грузов из Выру в Ригу, и пришли об этом сказать господину. Кроме того, мы нижайше просим господина выдать нам письменное разрешение с собой, так как мы думаем узнать в Риге, как обстоит дело с переселением на пустующие земли. Как Вы сами знаете, народ говорит, что многие семьи поехали в Псков с надеждой, что их оттуда отправят казенными подводами на пустующие земли, но увы! все это были враки, и крестьян отправили из Пскова обратно в волость этапным порядком как арестантов и еще в память о путешествии им обрили полбороды и полголовы. Мы вовсе не хотим быть такими шутами! Где нельзя добром, там не поможет и своеволие. Поэтому мы и просим у господина снабдить нас письменным разрешением." Барин вначале отпирался, говоря, что он не умеет писать. "Что там много писать", — отрезал М.Бойдра —

Мы Вам подскажем слова." После долгих упрасиваний помещик взял перо в руки и мы продиктовали слова: "Глубокоочтимый господин губернатор! В моей волости есть несколько крестьян, для которых нет здесь крестьянских усадеб (дворов), и поэтому эти крестьяне хотят выехать на пустующие земли, но я не знаю, что им указать в этом деле. Будьте, губернатор, настолько добры, дать через приходский суд по этому делу разъяснения. Фон Рихтер, владетельный господин имения Ваймела."

"Так! - сказал кто-то из друзей, когда стены господского дома остались позади - кто мог ~~ощ~~думать, что дело так легко прошло через узкие ворота".

На следующее утро М.Войдра и П.Хаугас ехали в Ригу, но без груза, и на третий день, без особых препятствий, доехали до главного города губернии. Около 10-ти часов они явились в губернаторскую канцелярию и подали свои письма. Им объявили, что ответ получают через вицегубернатора. Обязаны были сказать свои имена, и тогда чиновник велел нам подождать. Ждали часов шесть, потом спросили, не дадут-ли нам письменный ответ на наше прошение. Нам приказали отправляться домой, - ответ будет дан через приходский суд. С недоверием выслушали этот ответ, но делать нечего. Но, о чудо! Приехав домой, слышим, что из приходского суда уже два раза нас разыскивал казак. Без промедления пошли в суд. Председатель суда г.Вольднер встретил нас с кривой усмешкой: "Это вы были в Риге?" - "Да, были." - "И что-же вы сейчас хотите?" - "Хотим ехать на пустые земли." - "Хорошо, выслушайте еще мой совет! Если для вас недостает крестьянских усадеб в вашей волости, переходите в мою волость. Я дам вам хорошие места." На это Михаил Войдра ответил чисто рабским языком: "Зачем мы пойдем

от одного грабителя к другому, лучше выедем на пустующие земли." На это судья сказал: "Вы едете не от нужды, а вы гнушаетесь нашей добротой и будете потом каяться, но поздно. Теперь вносите каждый по 30 рублей серебром, а когда поедете, получите свои деньги обратно."

Зима прошла без бед. Весной, на Юрьев день, к шестерым крестьянам присоединились еще четверо, так что высленцев стало 10 человек (семей). У каждого была своя причина к выезду. Усадьбу Остра, за которую Михаил Войдра работал на барщине, переводили в другое место; арендаторам Петру Хаугасу (Мие-Рябу хутор) и Юхану Войдра (Трумми хутор) — повысили арендную плату; лесник Мюррги леса Юхан Котврид должен был отдать дом и службу сыну надсмотрщика поместья Калингу; Юхан Кирк, крестьянин усадьбы Ионасе не был доволен тем, что помещик указал ему другое место для сенокоса и отчасти для посева. Неизвестна причина выселения Михаила Похла, учителя православной школы в Ваймела. Кроме них, среди переселенцев были: крестьянин усадьбы Юрий Корроль и свободные Хиндрик Пяхн и Ааду Лауга.

Все перечисленные объявили свои имена в приходский суд на выезд на пустующие земли.

В ПУТИ

10 мая 1855 г. Солнце вошло на безоблачном небе и послало свои лучи на поля и луга Ваймела волости. Птицы пели упоительно и для некоторых старичков Ваймелы в последний раз. Солнце было уже высоко, приблизительно около 10 час. утра, когда к корчме Кирумпя в г. Выру подкатились особенно устроенные повозки и остановились, будто кого-то поджидая. На самом деле, многие еще подъехали к ожидающим и оста-

новились перед длинной крышей корчмы, так что собралось много народа, приехавшего пожелать счастья отъезжающим. И г.Роди был в их числе. Через несколько часов общения, отделилась группа: шесть семей на паромной повозке каждый и три семьи - на одноконной. Для путешествия на повозки были натянуты резиновые верха. Таким образом, поехали первые эстонские переселенцы по направлению к Риге, причем один из них, Ааду Лауга, у которого в кармане было всего 60 коп., рискнул пойти в дальнюю дорогу даже пешком. Чем дальше оставлялись за спиной колокольни церкви в г.Выру, тем грустнее становилось на душе у путников, особенно, у более нежной половины. Не легко было расставаться с любимой родиной. Более отважные из них воскликнули: "Вперед! Разве мы здесь останемся на смех другим! Все вперед-на Саратовскую счастливую землю!"

По приказу и письму приходского судьи, мы должны были получить в Риге от губернатора паспорта и увольнительные листы для дальнейшего пути. Но здесь нас не могли понять, какого увольнительного листа мы добиваемся, хотя и все десятеро явились в канцелярию губернатора. Наконец, П.Хаугас сказал: "Если вы не знаете и не понимаете, какое увольнительное нам надобно, тогда просим вас быть такими добрыми и выдать нам годовые паспортные листы." Служащие канцелярии были с этим согласны; вскоре заскрипели перья: писали нам паспорта, которые еще до вечера были у нас в кармане. Теперь нам надо было еще разрешение для проезда по шоссейной дороге, но в этой просьбе суд нам отказал. Не оставалось ничего другого, как ехать через Польшу, и города: Витебск, Смоленск, Тулу и Тамбов.

Про наше путешествие можно только сказать, что оно проходило больше с препятствиями, чем гладко. Первые недели лошади были в теле

и копейки у путешественников в кармане; чего-же еще желать!

Народ в России в это время был еще в полной крепостной зависимости. Например, проезжая через поместье в Витебской губернии, мы видели сарай, набитые женщинами и детьми; в длинном сарае два ряда были полны только детскими люльками и ночная квартира крепостных, само собой, была тут-же. Управляющий поместьем хотел с нами поговорить, но боясь, что и нас в конце концов сделают крепостными, мы постарались, как можно быстрее убраться подальше от этого места. Русские проявляли к нам очень большое участие и помогали, когда было необходимо. В каждом, более-менее большом городе мы отдыхали день, или два, особенно на побережье исторической Смоленской реки (Днепра) мы провели два дня, ибо приветливые русские не запрещали нам там пасти лошадей. В воскресные дни отдыхали: уже после полдня в субботу отпрягали на подходящем пастбище лошадей. После отдыха, в понедельник, с восходом солнца, продолжали опять путь.

Если бы 1855 год был дождливый, мы попадали бы не раз в беду, ибо не имели права пользоваться шоссейной дорогой, и как беглецы должны были отыскивать побочные пути. Но лето в этом году было сухое и мы без задержки могли проходить через топи и болота. Июнь и июль пришли и прошли, а долгожданный Саратов не был еще близок. Многие уже раскаивались, что так безрассудно легко покинули свою милую отчизну, но утешали себя опять мысленно тем, что эта ожидаемая и желанная счастливая земля теперь уже не должна быть далеко. В Тамбове, где мы отдыхали день, сказали, что до Саратова более 300 верст. Как для далеко идущего путника дорога до первой остановки кажется более длинной, чем та же дорога к дому, так и для наших путников, тем более, что расстояние между Тамбовом и Саратовом оказалось не 300, а только 200 верст. Чем ближе к Волге, тем гористее

становилась местность, так что при спусках нередко приходилось привязывать колеса. У местных земледельцев хлеб был отчасти уже скошен и сколько хватал глаз, видели, что земледелец мог быть доволен.

28 августа доехали до одного русского села, где и ночевали. На присельном выгоне покормили лошадей. Нам говорили, что до Саратова еще 50 верст. Надеялись на следующий день доехать. И путешествующие отцы не смогли всю ночь сомкнуть глаз, ибо строились различные планы как получить землю. Особенно большую заботу причиняло им то, что не было с собою никакого увольнительного документа, или предписания, на основании которого они могли-бы претендовать на землю. Повидимому, от судей творились большие препятствия к получению земли. Утром, как обычно, запрягли лошадей и поехали дальше, но и вечером еще не был виден Саратов. Решили провести эту ночь на Саратовском выгоне. Город был недалеко от места ночевки, но его не было видно потому, что прибрежная возвышенность Волги закрывала город. Проехав около версты, увидели церковные колокольни, пробудившие в путешественниках, у которых позади остался длинный путь, — различные чувства. Прежде всего в городе надо было найти квартиру, что и удалось после многих опросов.

Таким образом нами было проведено в дороге 3 месяца 20 дней без особо больших затруднений. Но сейчас у некоторых из нас уже кончались деньги, а желанная душевая земля еще не получена. Найдя, что жизнь в городе обходится дорого, решили на другой-же день идти к губернатору, и рано утром были уже в его канцелярии. Ждали в укромном уголке подходящего часа для беседы, ибо у просителей письменно, повидимому, было право пойти вперед. Нас была целая группа, которая, вероятно, обратила особое внимание губернатора, ибо нас вскоре при-

няли. Теперь большим тормозом служило плохое знание языка. Нас послали в Земельную палату, куда мы и явились на другое утро. Увы! там мы должны были услышать, что во всей Саратовской губернии у казны нет земли, которую можно было-бы выделить крестьянам-поселенцам. И канули в воду все наши надежды. Тесная родина, откуда можно-бы надеяться на некоторую помощь — около 2.000 верст позади. Желанный Саратов и губерния, хотя и были перед нами, но здесь нам не обещали ни одной пяди земли, и беда была в десять раз больше, чем мы могли предугадать. На выбор остались два пути: добровольно вернуться обратно в Эстонию, или позволить вести себя этапом как арестованных. Из 10 хозяев, только трое могли думать о добровольном возвращении обратно; другой способ казался остальным слишком низким и постыдным. По более долгому пребыванию в городе мы познакомились со столяром Гандига (родом из Финляндии) и с женой владельца аптеки Штафа (урожденной русской), которые дали нам совет поехать в Самарскую губернию и именно, в село Красный-Яр, где наверное найдем работу и хлеб у своих единоверцев. За неимением лучшего, этот совет приняли. Прибыв на Волгу, нашли, что первым рейсом баржа уже ушла, которая в то время перевозила ^{бесплатно} пассажиров в слободу Покровскую. Второй раз баржа ^{до} пошла к городу перед обедом и повезла нас через реку Волгу к сл. Покровской. Солнце стояло уже не высоко, когда доехали до места, откуда в этот же день надобно было выехать, ибо нечем было кормить лошадей. Выехав из слободы, увидели степную равнину. Проехали верст десять; сумерки объяли степь, но подходящего места для отдыха не ^{было} найдено. Напротив, наше внимание привлекло удивительное явление: горизонт впереди стоял будто в полыхающем море огня. Многие предполагали, что доехали до края света, где звезды целуют зем-

лю; другие думали, что настал последний день вселенной - тогда прощай все надежды на желанную землю! Когда проехали еще несколько верст, обнаружился обман зрения: приблизившись к одной такой наземной звезде, увидели, что это было ничто иное, как костер молотильщиков на гумне, в который время от времени подбрасывали солому, чтобы работающим было светло. Скоро нашли и подходящее пастбище, где распрягли лошадей и здесь провели первую ночь на новой родине.

На другой день держали путь все на северо-восток: - Волга слева и степной простор - справа. Проехав многие приволжские поселки, наконец, прибыли в указанное село. Приветливые немцы встретили усталых путешественников дружески и сельский староста поместил их в просторный деревянный дом, в котором хватило места всем десяти семьям. Этим кончилось первое бедствие.

Село Красный-Яр, в 30 верстах от г. Саратова, с населением около 3.000 душ в 1855 году, теперь имеет более 5.000 жителей. В селе, прежде и сейчас, церковь и пастор. У селян этот год (1855) ~~год~~ был урожайный и ~~была в разгаре~~ молотба. Приведя себя немного в порядок, пошли на работу. Заработали несколько копеек и мешков зерна. Зима наступила обычным порядком. Кто постарше - плотничали, а молодежь возила скоту корм. Таким образом прожили зиму.

Как говорилось выше, из-за недостаточного знания языка, мы потеряли надежду получить землю. Теперь послали первое прошение в Самарскую земельную палату, откуда нам ответили, что прежде узнают в Ливонии, добровольно-ли и без принуждения мы расстались с родиной. Если нам действительно не доставало земли, тогда дело представят в Министерство земледелия, иначе весной нас отправят этапом обратно. Но мы не имели времени ждать, пока Самарская палата представит

наше дело в Министерство; и Петер Хаугас и Михаил Войдра в январе 1856 г. поехали в Петербург, откуда они вернулись в марте в Красный Яр с разрешением Министерства. Сейчас уже и наши небольшие силы истощились до последней копейки. К несчастью, некоторые заболели лихорадкой, другие *животом*, а здоровые начали работать в поле, себе и другим.

До осени ждали разрешения на получение земли, но таковое не пришло. Решили отправиться в Самару. В декабре Юхан Котврид и Петер Хаугас поехали в Самару. Туда за это время уже пришел приказ из Министерства дать нам в подходящем месте землю. Казенная земельная палата посоветовала отвести эстонцам душевую землю при с.Карпенко. Хаугас и Котврид были с этим согласны и нас приписали к обществу с.Карпенки. Так как была еще зима, эстонцы остались в Красном-Яре до Юрьева дня (23 апреля) 1857 года. В селе Карпенко каждому дали по 2 десятины пахотной земли и показали место для построек. У кого была возможность, ^апосели немного хлеба. После полевых работ началась спешная стройка жилищ из саманного кирпича. Еще до сенокоса у каждого было готово убежище, куда он мог поставить свои немногие вещи. Во время сенокоса, доброжелательные русские дали и нам по жребию покоса.

Оставим пока с.Карпенко при своих спешных делах, и обратимся ко вновь прибывшим.

В 1855 году из местечка Загниц выехал совсем один со своей семьей Котри Тальдрек. Около Смоленска он умер и жена с малолетними детьми осталась одна без помощи среди чужого народа. Но вдова, Лота, была энергичная женщина и благополучно прибыла в Красный-Яр в сентябре. После нашего выезда, переселенческая лихорадка распространи-

лась по всему Выру уезду. В 1857 году выехал из Новгородского прихода, Лоози волости, семья Тембер, которую приняли также членом общества с. Карпенко. В июле этого же года приехали из прихода и волости Загниц Ханс Сисаск и Ян Киршбаум в Карпенко. Последним отвели душевую землю в поле № 3 с. Воскресенки Покровской волости. В 1859 г. приехали из Загница, Кеени и Карула 63 семьи в Карпенко, которых разместили на зиму, на квартиру, в четыре селения: Карпенко, Логиновка, Красный-Кут и Воскресенка. Им выдали от казны 1 пуд 5 фунтов зерна на каждую душу, и весной, в заем, 10 пудов семян на каждую лошадь.

В 1859 г. отмерили 200 десятин земли в пользование вновь основанного поселения "Лифляндка" на поле № 3 с. Воскресенки. Там было 67 семей с 113 ревизскими душами, многие безлошадные, многие остались еще в русских селах зарабатывать хлеб.

Прежде, чем продолжать рассказ, сделаем обзор местоположения и окрестности поселения, Лифляндки. Селение основали на берегу одной наиболее глубокой балки. В балке не было ни капли воды. Ее можно было доставать из колодцев в несколько сажен глубиной. Вода была хорошая как лучшая родниковая. Так как колодцы давали воду только в балке и были для некоторых семей далеко, то поселенцы построили дамбу-плотину поперек балки, длиной в 25 сажен при ширине в 5 сажен. Весной пруд наполняется водой, излишек воды выпускается через сливные ворота. Пруд вполне удовлетворяет все потребности в воде.

Если читатель встанет в середине плотины, то влево видно 12 домов с церковкой с лютеранским населением, а вправо 40 домов - с православным. Вначале и среди православных, б.ч., из Загница, находились некоторые лютеране, приехавшие из Пыльви. Село находится

в 80 верстах от г. Саратова, через р. Волгу, к Юго-Востоку, и в 90 верстах от с. Красный Яр, которое в левобережье Волги. Лифляндка была приписана к Красноярской волости Новоузенского уезда в 1862 году.

В 1860 г. весной все имевшие лошадей, приступили к полевым работам. Земли под поля, б.ч., степные - целинные, нельзя было вспахать малыми силами; поэтому в первое время новоселам было не легко обрабатывать поля, особенно, в данный год. Все-же, после тяжелого труда, в течении нескольких недель, посеяли. Во время посева были дожди, хлеба хорошо взошли и принялись расти. Новосел радостно смотрел в будущее.

После полевых работ принялись за строительство жилищ, которое затруднялось отсутствием вблизи дерева. Последнее приходилось покупать и привозить из слободы Покровской. Не смотря на все, у многих уже в июне месяце стояли саманные избы, которые строились двояко: над землей и наполовину в земле. Стены складывались из саманного кирпича своего изготовления. Длина избы 4 сажени, ширина $2\frac{1}{2}$ и высота 1 саж.; для крыши на стены клали долевую матицу, на последнюю - поперечные плашки. Все покрывалось длинной соломой и сверху землей. И изба готова!

Но теперь надвигалась новая беда, еще более усиливающая бедственное положение новоселов. Не было оживляющей поля влаги. Ждали май, июнь, но дождь не выпадал и хлеба на полях засыхали. Например, И.Т. с 13 десятин посева собрал только 70 пудов. Неурожай напугал всех выходцев из Загница, которые уехали, гл. образом, в Петропавловскую волость Самарского уезда. В Лифляндке осталось только 13 семейств. Но сюда приехало 7 семей из Ваймелы, именно:

Палло (2 семьи) - 5 человек, Рюбансон - 1, Пранда - 3, Трумми - 3, Кыйввар - 3, и Хакманн - 5 человек, так что осенью 1861 г. в Лифляндке было 20 дымов, и имелось: 27 лошадей, 35 голов рогатого скота и 4 овцы. В 1861 году урожай был около 65 пудов с десятины и цены - 25 коп. пуд. В декабре этого-же года многие семьи приехали из Самарского уезда обратно в Лифляндику. Некоторые из них остались жить здесь, а другие опять уехали в Самарский уезд.

1862 год. Весной правительство отмерило нам участок хорошей пахотной земли на 52 ревизских (мужских) души по 15 казенных десятин (2.400 кв. саж. в десятине) на душу. В общем, село владело участком земли, вместе с неудобной, более тысячи десятин. Село выстроено в южной части участка, где проходят 2 наиболее глубокие балки.

Пахотные земли разделены у нас на 3-х поля, в каждом поле по 2 хозяйственных десятины (3.200 кв. сажень в десятине) на душу. Кроме того, еще 2 поля около села, в каждом по одной десятине на душу. Последние 2 поля не пахут одновременно. Одно вспахивают 2 года подряд, потом другое - 2 года. На 3 и 4-й год поле оставляется под пастбище. Пахотные участки не делились с 1862 г., но 2 присельных - переделают через каждые 2 года. Вся хорошая земля покрыта черной почвой, приблизительно, с фут толщиной и подстилается глиной. Солонцов у нас около 50 десятин, которые считаются плохой землей; она рыжего цвета и при высыхании тверда как камень. На солонцовой земле редко бывает хороший урожай; в дождливые годы на ней вырастает низкорослая, но богатая зерном пшеница, все-же мы видели и годы с более **высоким** урожаем на солонцах, чем на черной земле.

1862-1863 гг. мы получили с десятины около 80 пуд. при цене в 25-50 коп. с пуда. В помянутые годы, неослабно-упорно, но медленно поправлялесь житье эстонцев, которые вначале страдали, может быть,

слабой рабочей силой и незнанием ~~дела~~ дела.

1864-1866 гг. были малоурожайными: в среднем, получили по 12 пудов с десятины. Поэтому, почти половина семейств перекочевала из Лифляндки на Кавказ искать счастье, откуда они через 2-3 года приехали обратно, и им пришлось усвоить, что катящийся камень мохом не обрастает.

1867-1869 гг. были по урожаю удовлетворительные, ибо десятина дала, приблизительно, 90 пудов и цены - 40 коп. за пуд.

Лучшее время наступило, вероятно, с 1870 годом: рабочей и другой скотины было достаточно, жилище обеспечено, посевы не малые (некоторые семьи засевали более 50 десятин), с урожаем около 90 пудов с десятины при цене 80-130 коп. пуд. Вместе с подъемом цен на хлеб, повышалась и цена на землю; и если эстонцы не могли непосредственно арендовать землю у казны, они должны были покупать ее у крупных арендаторов по высокой цене, 8-10 рублей, тогда как арендаторы сами платили казне 1-3 руб. за десятину в год. Поэтому более состоятельные хозяева сложились деньгами и купили в 1876 г. в собственность 1723 десятины за 15.000 руб., что обошлось по 8руб. за десятину. Участок находится в 160 верстах к востоку от Лифляндки, в 13 верстах от жел.-дор. станции Алтата. Земля хутора Кулазина, как называют этот участок, не такая хорошая как в Лифляндке. Осенью поднимают 10-15 летнюю степь (залежь), весной высевают семена под железную борону. Этим полем потом пользуются еще 2-3 года, после чего его оставляют в залежь. В первые и ближайшие годы на залежи растет трава "острец", похожая на пырей, но у последнего корни в земле идут вдоль и поперек, а у остреца прямо вниз. Острецевую залежь легче вспахать, чем пырейную. Если земли Кулазина не совсем хороши для полей, они тем лучшие сенокосы и здесь гораздо легче

содержать животных, чем в Лифляндке. Острец питательный корм, особенно для лошадей, которым при острце, не требуется добавки овса или другого хлеба, и эта забота у хозяина отпадает. В первые годы в Кулазине приходилось возить хлеб за 120 верст, но с постройкой железной дороги намного сократились расходы по перевозке. Сейчас в Кулазине 8 семей, более молодые жители Лифляндки, тогда как родители остались на месте.

1877-1878 гг. были мало урожайные и цена хлеба 1 руб. пуд.

1879 год был в этом отношении своеобразный. 10 апреля начали пахать, но земля так быстро высохла, что даже первые посевы не взошли как следует. Все лето не было дождя, посевы высыхали, а что еще росло, то ветер пригнул к земле, потому что корни хлебов слабо держались в почве и убирать не было возможности ни косой, ни серпом; выдергивали руками. В среднем, получили по 12 пудов с десятины, а цена на хлеб поднялась до 140 коп. за пуд. Многие крестьяне не получили на год хлеба, не хватало и кормов, потому, что косить было нечего и соломы было мало. Предвидя таковое, многие хозяева уже с осени закупали солому по 10-15 коп. пуд. К тому же через неделю после Михайлова дня (29 сентября) животные остались уже в стойлах, тогда как в предыдущие годы они паслись еще около Мартова дня (10 ноября). Поднималась все выше цена соломы и к концу декабря платили по 30 коп. пуд, в феврале - около 50 коп., а потом ни за какие деньги нельзя было купить корма. В марте снимали солому с крыш изб и других построек и скармливали скоту. Дело дошло до того, что квадратная сажень крыши стоила 5-6 рублей, но и этого корма скоро не стало. У кого были еще деньги, кормили лошадей и рогатый скот одним овсом. Тысячи животных пали от голода и у эстонцев также - 15 голов. В апреле зима все-же стала сдаваться, и к концу месяца скот выпустили

на пастбище. Такой долгой ^{здесь} зимы не видели в течение 40 лет.

Весной 1880 г. дни были теплые, а ночи - холодные, это высушило почву раньше, чем трава вошла в силу. Пахать вышли только к 23 апреля (Юрьеву дню), тогда как в наших краях началом пашни, обычно, считали 1 апреля, и самым ранним сроком - последнюю половину марта, а в 1890 году 14 марта уже можно было начать пашню.

Поздний выход в поле в 1880 г., сам по себе еще не угрожал бедой, но когда, после 3 недельных трудов, окончили полевые работы, мы поняли, что первый посев не взойдет, потому что не было дождя и ветер с востока высушил почву как золу. Только на полях, вспаханных под зиму, виднелись некоторые всходы пшеницы. В мае тоже не было дождя и народное бедствие, которое было уже большое, стало угрожающим. Многие крестьяне из Лифляндки у которых и не было в Кулазине собственной земли, поехали к сенокосу туда, в надежде, что получат от родственников или друзей несколько десятин сенокосу. Надежда их не обманула. Их встретили в Кулазине любезно и обещали помочь, сколько возможно. Соседям выпала удача вследствие того, что в Кулазине при разделе земли купленной в 1877 г. между 8 собственниками, было оставлено около 20 десятин для пользования будущему учителю. Подходящего учителя не находили и земля использовалась под выгон. В этом году, ввиду сухой весны, участок оставили под сенокос и его хозяевам была возможность отдать сородичам из Лифляндки этот сенокос. Хотя трава и была низкая, но со всей площади собрали достаточно. Через 2 недели - работа кончена, сено - в стогах и у многих лифляндцев отпала забота о кормах скоту.

По-скольку речь идет о сенокосных землях и работах, скажем несколько слов о таковых в Кулазине. В Кулазине трава начинает буйно

расти вскоре после схода снега, даже и в холодные весны, т.к. здесь острецовые земли. Корни остреца идут на 3-4 фута прямо в землю, *потому* он устойчив против холода и жары и острецовые сенокосы в Новоузенском уезде считаются наилучшими. Косить сено в Кулазине обычно начинают между 10 и 20 мая, и в это время приезжают из средних губерний тысячи рабочих в Кулазино и окрестности Новоузенска, к уборке сена. По воскресеньям в русских селах на базарах происходит большой устный торг, куда собираются хозяева и работники, и который открывается сейчас-же после богослужения, приблизительно, около 10 час. утра; но цены на рабочие руки выясняются не ранее 4 часов. Тогда каждый хозяин нанимает себе нужное количество рабочих - от 5 до 100 человек. Рабочие садятся на приготовленные хозяином повозки и едут на сенокос. Косцам сена платят по 1-2 рубля с десятины при питании от хозяина. После **однодневной** сушки в рядках, сено складывают в скирды или стога, откуда его увозят уже работники хозяина. Этим кончается уборка сена.

Вернемся обратно к описанию лета 1880 года. Напрасно ждали дождя весну и почти весь июнь. В день Ивана Купалы (24 июня) видели облачка на краю горизонта, 27 июня с южной стороны поднималась все выше туча и через час пошел такой обильный дождь, что через 2 часа все пониженные места стояли под водой. В итоге, буйно начали подниматься хлеба, но на урожай этот дождь уже мало повлиял, только увеличил корм скоту. В конце июня вышли косить хлеб, вернее, собирать руками, ибо косить было нечего. Только на низких местах виднелись редкие колоски, а более высокие места были черны, как будто их вчера вспахали. После обмолота выяснилось, что с полей весенней вспашки получили только 1-2 пуда с десятины, тогда как с таковых осенней вспашки - заметно больше, После молотбы взялись за уборку сена.

После дождя на полях выросли однолетние травы: колючка и др. и мы избавились от заботы о кормах. Также картофель и капуста оживились и дали хороший урожай. Иначе дело обстояло с урожаем у поселенцев в Кулазине. Они вспахали свои поля еще с осени, и получили по 24-30 пудов с десятины. Цены на зерно поднялись, пуд пшеницы стоил 2 рубля и более бедным трудно было достать себе на пропитание. В г.Саратове собрался комитет помощи, членами которого были пасторы и более богатые купцы. На просьбу Комитета пожертвовали также Эстония и Ливония (б.Лифляндия) тысячи, которые пошли на содержание, главным образом, немцам. Из Лифляндки пожертвованием воспользовалось только одно семейство. В новых эстонских поселениях нужда была много сильнее и им оказали больше помощи. Особую помощь получили эстонцы с, Лифляндки деньгами из запасного хлебного магазина (общественного амбара), в который каждый год вносили по числу душ. Теперь, при бедствии все это выдали, т.ч. на каждую душу пришлось более 20 рублей. Это была большая помощь. В то время, как русские и немецкие села вносили в магазин хлебом, жители Лифляндки выплачивали свою долю чистыми деньгами, около 50 коп. в год на душу. Весь хлеб магазина находился на учете уездной власти и только с ее разрешения можно было воспользоваться хлебом или деньгами. В борьбе с разными бедствиями прожили вторую половину зимы.

В 1881 году весна пришла раньше предыдущих и 1 апреля уже приступили к полевым работам. Собрав последние силы, начали полевые работы жители Лифляндки. У кого не было семян, занимали у богатых. Особенно, получили многие крестьяне помощь семенами и рабочей силой от поселенцев Кулазина. Во время пахоты часто выпадал дождь и дни были теплые. Трава вырастала на глазах и на второй недели пашни рабочий скот уже мог кормиться на пастбище, и этим было устранено самое

большое затруднение с кормами. После 3 или 4-х недельной работы, кончили пахать и весь посев дал хорошие всходы. В мае и июне выпадали дожди и вместе с ними укреплялась у земледельца надежда, которая в последние годы была совсем подавлена. Уборка началась 20 июня и при сухой погоде протекала успешно. И только, когда все поля были убраны и хлеб обмолочен — увидели, что урожай был так велик, что мог возместить все предыдущие недостатки и залечить все раны. С десятины собрали 100-150 пудов, и цена пшеницы была 120-150 коп. за пуд. И рожь уродилась хорошо; цена 40-50 коп. пуд. В среднем, десятина дала деньгами по 125-150 рублей. Не у одного лифляндского хозяина было взято в долг 200-500 рублей, но теперь все долги были с честью уплачены и еще оставалось.

1881 год можем назвать лучшим в своей хозяйственной жизни. В октябре первый раз эстонцы надумали арендовать землю непосредственно у казны, ибо у них теперь была возможность с деньгами. За отсутствием денег, до этого они и не могли думать об этом, хотя их душевые земли со всех сторон окружали казенные, отдаваемые в аренду, участки.

Вернемся на несколько лет назад и посмотрим на условия аренды казенных земель раньше и теперь.

В 1860-1868 гг. платили только по 10-30 коп. ренты с десятины, но участки были в 5000 - 10000 десятин, и их предоставляли только в Самарской казенной земельной палате. Но так как земельные участки были большие, а город, где их предлагали — далеко, никто из эстонцев о них не задумывался. В сентябре 1868 г. в сл.Покровской предложили все имеющиеся в окрестности с.Лифляндки государственные земли в аренду на 12 лет. Их арендовали богатый земледелец сл.Покровской Т.И.Копзаар со своим племянником В.Копзаар по 70 коп. десятина в год. В данном случае, о ценах принято следующее: когда написано

"за десятину" - это означает цену в 70 коп. в среднем на всю пахотную землю, включая пашню и залежь (под пастбищем и сенокосом). Если цена относится исключительно к пашне, написано: "за десятину пахотной земли", тогда не считается земля под пастбищами и сенокосами (т.е. под залежью). Так как арендатор из всей земли имеет право обрабатывать под хлеба $\frac{1}{3}$, то десятина пашни обойдется $70 \times 3 = 210$ коп. в год.

Эстонцы, у которых площадь пашни становилась недостаточной, вынуждены были арендовать (как говорили покупать) у арендаторов "пахотную землю" за 10-11 руб. десятина в год, что обходилось слишком дорого. Мировой спрос на нашу пшеницу возрастал из года в год и в 1870-1879 гг. уже платили по 100-120 коп. за пуд. Увеличивался и спрос, особенно, на казенные земли, так что эстонцам приходилось выплачивать в год не одну сотню рублей, если и они хотели сеять на новых землях. Некоторые хозяева старались обходиться только душевой землей, но этим ничего не выгадывали, т.к. душевые земли уже выпажались, истощились и явно давали урожаи менее казенных. Много лет боролись против повышенных цен за аренду, но никакого подходящего средства не нашли. В неурожайный 1880-~~1881~~ год, никто не мог и думать об аренде правительственной земли, но с осени 1881 г. спрос на последнюю опять поднялся. Срок аренды крупных участков кончился в 1880 г. и для аренды установили следующие условия: земельные участки разделили на меньшие, по шести одинаковых полей в каждом и сделки на аренду оформлялись в местных волостях. Теперь могли и эстонцы думать о непосредственной аренде у казны. Первые предложения земли происходили в с. Воскресенке, куда явились и эстонцы со своими небольшими деньгами. К нашему счастью на предложения явилось немного денежных людей, и мы заполучили 2 земельных участка совсем дешево. Первый

участок № 16 в 1.200 десятин - за 800 рублей ренты в год, и второй - № 17 в 1.500 десятин за 1500 рублей в год. Оба участка состояли из 6 полей. Десятина пашни на первом - обошлась 2 руб.80 коп. и на втором - 4 рубля. Залог за оба участка внесли 1.150 рублей.

До предложения земель, нам прочитали условия аренды: они приблизительно таковы:

"Условия торга: от Самарского губернского управления казенными землями арендуются участки земли посредством наибольшего предложения от 1 года до 24 лет. Предложившему наибольшее высылается вызов, что он должен явиться в течение одного месяца в Управление казенных земель сам, или прислать туда в требуемой сумме аванс - залог для закрепления контракта. Тогда арендатор получает копию контракта с картой земельного участка, за которую уплачивает 1-3 рублей. На карте обозначен порядок, по которому арендатор должен пахать. Если арендатор во время не внесет за аренду, или чем-либо нарушит условия договора, тогда участок от него отбирается и снова предлагается в аренду. Убытки от передачи аренды несет прежний арендатор. Арендатор должен внести залог не менее половины годовой арендной платы, который остается до окончания срока аренды. Сельские общества могут вместо залога представить общественные договоры, при чем все члены волости несут круговую поруку.

Арендатор должен заплатить вперед за *полугодовую* аренду: 15 января и 15 июля. Если арендатор просрочит уплату, он выплачивает за каждый рубль 1%. После 2 месяцев неуплаты, участок отбирается, из залога уплачиваются расходы по передаче участка другому арендатору и если расходы перевысят залог, они взыскиваются с прежнего арендатора.

Если арендатор нарушит порядок пахоты, указанный на карте, он

платит по 5 рублей за каждую испорченную десятину штрафа. Залежную землю он может использовать под выгон или сенокос.

Арендатор может выращивать масличные растения, как лен, коноплю, но в пределах $\frac{1}{9}$ части от всей годовой посевной площади. Разрешается ему сеять также горох, чечевицу, садить картофель, арбузы, дыни — но под этими культурами не должно быть более 50% всей пахотной земли.

Если арендатор вспашет более разрешенного, он платит штраф в 20 руб. за каждую излишне вспаханную десятину. Если он вспашет из обозначенного на карте сенокоса, он платит за каждую десятину 30 рублей штрафа. Возделывание табака запрещено совсем. За лишнюю площадь посева масличных платит штраф 40 руб. с десятины.

За нарушение этих установлений поверенный казенных земель составляет протокол в присутствии самого арендатора, или его работника, или правителя. Протокол считается законным ко взысканию.

Если арендатор не уплатит штраф в течение 3 месяцев, казна имеет право отобрать у него участок и понесенный этим убыток несет арендатор.

Арендатор может на своем участке садить разные кустарники, использовать которые может только для починки государственных прудов. На постройки арендатор не должен рубить хворост, иначе он уплачивает за каждую испорченную десятину леса или кустарника 40 рублей штрафа. Арендатор обязан большие или меньшие участки леса сохранять в целости. Если он порубил или испортил лес без разрешения казны, он платит в трехкратном размере против твердых цен в уезде на лес. Под лесом нельзя пасти скот.

Зимой арендатор должен выставлять вдоль дорог, проходящих через его участок, вешки, чтобы путник не сбился с дороги. Арен-

датор должен также сохранять в целости внешние границы участка, и при небрежности он должен уплатить казне расходы по выпрямлению границ.

Арендатор имеет право на своем участке строить хутор, копать колодцы, конечно, за свой счет. Выстроенный хутор арендатор имеет право, по окончании аренды, увезти или продать новому арендатору, но пруды и плотины поступают в казну и новый арендатор ими пользуется, но обязан по окончании аренды сдать их в целости в казну. Арендатор имеет право взять себе компаньонов, также может после заключения контракта передать свой участок другому исключительно надежному лицу на таких-же условиях, на каких он сам пользуется участком. До передачи земельного участка новый и старый арендаторы должны подать совместное заявление в управление казенными землями, и если при этом ничего нет незаконного, оно утверждает соглашение обоих.

Если новый арендатор найдет какие-либо порчи на земельном участке, причиненные прежним арендатором, тогда земельными властями начнется судебное разбирательство. Если новый арендатор не заявлял, что от арендуемого участка кто-то отрезал земли, арендатор, во время контракта с которым замечено казной таковое исчезновение земли, возмещает своими деньгами все убытки, сделанные за 10 лет.

Арендатор не смеет в последний год аренды запретить новому - начать пашню, на будущий год, с 10 августа, а новый арендатор не должен ущемлять права прежнего и должен дать возможность убрать ржаное поле, которое старый арендатор в последний год засеял и которое созрело в первый год аренды нового арендатора.

Эти торговые соглашения должны неукоснительно и свято соблю-

даться обоими сторонами и контракты на это, узаконенные арендными правительственными властями, хранятся в управлении казенных земель, при чем копия выдается арендатору на руки.

Предложения проходят двумя способами. При первом порядке, каждый устно принимает участие. Кто-нибудь выбрал себе подходящий участок земли и теперь начинается борьба с кем-нибудь, кто хочет арендовать этот-же участок. Кто в конце концов предложит больше, тому достанется кусочек! При втором порядке, желающий арендовать участок, вносит закрытый пакет с деньгами на этот участок и тогда он не может уже принимать участие в устных предложениях. После окончания устного торга на все предложенные в этот день к аренде участки, вскрывают закрытые денежные пакеты. В каждом пакете должно быть письменное заявление, на какой именно участок внесен залог, который не должен быть менее суммы полгодовой аренды. Например: Если какой-либо арендатор за участок № 10 давал по 2 руб. за десятину, а другой в закрытый пакет на участок № 10 вложил по 2 руб. 1 коп. за десятину, то земля остается последнему, хотя-бы кто-либо и предложил после устно по 2 руб. 2 коп., ибо после открытия денежных пакетов устные предложения уже не действительны.

Потом разбираются результаты торгов на каждый участок и отчет посылается управлению казенных земель, которое утверждает контракты арендаторов, или, при особых основаниях - не утверждает.

Как указано выше, крестьяне с. Лифляндки арендовали при таких предложениях 2 участка. В январе 1882 г. получили письменное уведомление от управления казенных земель, что за ними закреплены эти 2 участка на 6 лет. Теперь послали денег на утверждение контракта и в июне 1882 г. получили копию с контракта и карту с земли, на которой, к несчастью, не было обозначено, какое поле в этом или другом

году пахать.

В январе 1882 г. мы запросили по телеграфу, какое поле нам пахать. Ответили, что в первый год мы можем пахать те поля, которые нам более подходят. Поэтому ^{разрешению} мы вспахали по своему разумению. Урожай пшеницы в этот год был не плохой, что облегчило нам арендные дела. Как упомянуто выше, мы получили земельную карту без обозначения, какие поля пахать в 1883 и в последующие годы. Поехали к землемеру Петрову, который в это время жил в сл. Покровской. Он обозначил нам карандашом на карте порядок пашни и по нашему разумению все было в порядке. По этому предписанию осенью 1882 года мы вспахали под посев следующего года 2 пастбищных поля. В контракте, правда, было запрещено запахивать в один год под хлеба 2 пастбищных полосы, но мы руководствовались пометками землемера на карте. Несчастливый процесс начался у нас в 1883 году. В январе уплатили аренду за полгода и не подозревали ничего плохого. Весна была в этом году теплая и дождливая; поэтому весь посев хорошо рос и земледелец надеялся на обильный урожай. Поэтому поднялись цены на рабочие руки и считали, что жнецам придется платить по 25 рублей с десятины. Когда настала уборка, поехали и лифляндские хозяева в сл. Покровскую, где собрались тысячи рабочих. Некоторые считали этот путь далеким и просто поехали в ближайшие села нанимать рабочих. К обеду в Покровск приехали из Саратова еще несколько тысяч рабочих и начался устный торг. Рабочие просили 25 рублей за жатву одной десятины, а хозяева предлагали 5 рублей. Еще немного, и рабочие взбунтовались бы. К счастью дело уладилось по хорошему. К вечеру начали стовариваться с хозяевами, последние предлагали 7-9 рублей с десятины. В понедельник цены поднялись до 13 рублей, тогда как те мужики из Лифляндки, которые поехали в ближайшие села нанимать себе жнецов,

^{последним}
обещали по 15 рублей. В следующую неделю средняя цена за работу установилась в 12 рублей. В этот год август и сентябрь были сухие и уборка шла быстрыми темпами. Но в самый разгар работы вдруг слышим, по народномуговору, что мы тяжело погрели в порядке возделывания казенной земли и за это будем, без сомнения, наказаны. Сделаем здесь небольшое отступление, чтобы познакомить читателя с установками в землепользовании.

Казенные или государственные участки земли разделены на 3-16 полей. В окрестности нас 6-9 польные. Например: в 6 польном севообороте, каждый год арендатор может засеивать пшеницей 2 поля, т.е. $\frac{1}{3}$ всего участка, и при 9-польном - тоже 2 поля пшеницей и одно - рожью, это тоже $\frac{1}{3}$ участка, но при очень сухой погоде осенью, по просьбе арендатора, земельные власти разрешают посеять на ржаном поле пшеницу. Отсюда видно, что все предписания должны быть выполнены пунктуально.

Еще раньше, когда наши невинные, но взбудораженные смутными сведениями народа, сердца успокоились, в один прекрасный день в наше село явился поверенный управления казенных земель и потребовал безоговорочного просмотра находящихся в нашем пользовании казенных земель. Мы протестовали и оправдывались тем, что мы точно так пахали, как показано на карте землемером и показали ему сыю земельную карту. Но поверенный сказал, что карандашные пометки ничего не стоят. Теперь уже не помогли никакие споры и мы должны были идти с ним проверить участки. Чиновник пригласил из ближайшей эстонской деревни троих свидетелей. Он остановился там, где у нас был посев в этом году и объявил, что мы использовали 2 выгона в один год под посев и поэтому должны подпасть под штраф казной. Мы поняли, что землемер Петров направил нас по ложному пути и мы

вследствие его преступного, или небрежного, отношения к делу, попали в беду. Его уже не было в сл. Покровской: он был недавно уволен от должности и пропал, как под землю провалился. Так как хлеб уже с месяц был убран, то трудно было опробировать урожай по стерне. Поверенный сказал, что один крупный земледелец утверждал, что получил по 120 пудов с десятины, поэтому и наш урожай д.б. приблизительно такой-же. Наши крестьяне ответили, что возможно все так там, где с осени вспахано, но у нас частью веснопашка, на которой значительно меньше урожай. И свидетели подтвердили, что у нас частично была веснопашка. Тогда поверенный предположил, что если мы и не получили по 120 пуд. с десятины, то все-же не меньше 60 пуд. и против этого мы не могли возражать. Повернули в село и через 2 часа был готов акт жалобы, составленный в присутствии сельского старосты, гласивший так: "Жители села Лифляндки, которые держат казенную землю, нарушили контракт тем, что держали 2 поля залежи в одном году под посевом хлеба. В 5 пункте контракта указано, что если арендатор нарушит порядок пашни, то весь урожай с этого поля отходит в казну. Здесь 2 поля - 319 десятин, весь сбор с которых отходит в пользу казны. С обоих полей вместе получено 19.140 пудов пшеницы и так как пуд пшеницы сейчас стоит 1 руб., это составит сумму в 19.140 руб., и за вычетом стоимости работы в этот год - 12.000 рублей взыскания штрафа деньгами в пользу казны. Весьма дорогой урок! считали мы, арендаторы земли.

Приблизительно, через 2 месяца, после происшествия, получили от земельного управления приказ, что деньги должны быть немедленно внесены в рентную кассу. "Это неслыханная и невиданная вещь", думали и говорили подсудные, " так как сам землемер отметил на карте порядок пашни. Теперь мы обязаны за его ошибку платить деньгами.

Это нам совсем не нравится." Мы ответили управлению казенных земель, что мы намерены подать дело в суд на разбирательство и просим выслать нам копию акта, что нам и прислали. Без промедления мы передали дело в Саратовский окружной суд. Чтобы более действенно выступить перед судом, мы уполномочили одного хорошего саратовского адвоката вести наше дело, который за 10% обещал употребить все свое мастерство, чтобы повернуть дело в нашу пользу. Арендаторам оставалось ждать этого напряженного дня суда.

В середине июля 1884 г. мы получили вызов из окружного суда и 25 июля наши крестьяне послали 2 представителей от себя в суд. На суду дело пошло так: когда секретарь суда прочитал нашу длинную жалобу, председатель суда спросил у жалобщиков, признают-ли они себя виновными в нарушении порядка пашни казенной земли. Мы ответили, что виновными себя не признаем, т.к. пахали по намеченному землемером. Прокурор, со своей стороны объяснил, что сделанные карандашем пометки не законны и на карте не написано, кто наметил порядок пашни, так как по закону арендатор получает полную карту только от управления казенной земли и землемер имеет право лишь тогда что-либо наметить на карте, если управление его на это уполномачивает. Прокурор обратил особое внимание на то, что в 5 пункте контракта написано, что если арендатор нарушит в свою пользу порядок пашни, или вспашет более дозволенного, казна имеет право без суда отнять выросший на испорченном поле хлеб. Адвокат жалобщиков говорил что мог и как умел. Прослушав дело, суд удалился за закрытые двери принимать решение, которое нам объявили через час в открытом судебном зале: "Арендаторы казенной земли, крестьяне с. Лифляндки нарушили сделанный с казной контракт - в 1883 году вспахали 2 поля залежи, очередь обработки которых должна наступить в 1884 году. Поэтому весь хлеб, который вырос

на полях, обработанных незаконным порядком, отбирается в пользу казны, вследствие чего крестьяне с. Лифляндки уплатят 12.000 рублей в погашение убытка и еще 600 рублей судебных издержек."

Мы остались недовольны этим решением и, по совету адвоката, послали дело для пересмотра в Казанский окружной суд. Приблизительно через год пришло и оттуда решение, что первое решение суда утверждено и нам надлежит уплатить штрафные деньги. Вместе с судебными расходами эта сумма составила около 13.000 рублей. Теперь у мужиков кончился разум. В течение недели собрали деньги и внесли в ближайшую рентную кассу и этим кончился наш затянувшийся годами процесс. Но вместе с этим мы набрались ²жизительской мудрости.

В 1884 году урожай пшеницы был значительно ниже предыдущих лет, с десятины получили 60-80 пудов, а ржи только 5-10 пудов. Все же цены не поднялись и крестьянин также обошелся своим.

В этом году с запада повеяло духом новой религиозной секты, отчасти и на эстонцев Новоузенского уезда.

В 1883-1884 гг. жил в г. Саратове Е.М.Якобсон, где он как член библейского общества зарабатывал и ездил по Саратовской и Самарской губерниям продавать книги и библии. Со странствованием он соединял особую цель, вместе с библиями распространял среди народа баптистскую веру. Многие среди немцев и русских принимали его учение. По пути приехал он и к эстонцам, которые приняли его как сородича приветливо. Здесь он продавал эстонцам также библии и другие книги, но ничем не обнаруживал цели своего путешествия. Только при третьем его приезде некоторые эстонцы из Новоузенского уезда стали догадываться об его особой миссии. Многие члены церковного прихода просили его отслужить в Лифляндской церкви проповедь, на что он сказал, что власть не разрешает ему богослужения в церкви, но кто ^{но} хочет слушать его проповедь, может придти к церковному старосте,

там он желает и с удовольствием исполнит просьбу многих. Это было в 1884 году. В своей проповеди он говорил о большой любви господи, участником которой он стал и советовал, чтобы сородичи, живущие на чужбине, очистились от грехов, в которых они барахтаются. Чтобы яснее представить, как многие освободились от грехов, он обрисовал свою прежнюю жизнь, когда и он был грешником и тогда настал день поворота и с этого дня его больше не мучает грех. После проповеди он еще рассказывал о своем дне обращения 10 лет тому назад и как около трех дней тому назад, в одном немецком селе было освящено 60 верующих, где господствует ^{сейчас} чисто братская любовь и т.д. Многие прихожане начали догадываться, что его учение не правильное и человеку ничего не дает однократное во всю жизнь обращение, ибо он должен каждый день обращаться от греха. И так никто из эстонцев не принял баптистской веры-секты. И среди немцев почти исчезла баптистская секта, что, вероятно, объясняется тем, что отец секты нашел себе на берегу Балтики новое место и родину; потому он не имел возможности оживать здешние собрания, а без подкрепления высохли последние ростки баптистской секты.

Обратимся опять к годовому разбору событий. Весна 1885 г. была засушливая и посевы сделанные на третьей неделе работ не взошли. Дождя не было и крестьянин с тревогой смотрел в будущее. Кроме того, стала вредить какая то букашка. В конце мая в нашей волости появилась страшная саранча и грозила уничтожить последние, с таким трудом сохранившиеся в засуху, ростки хлебов. Власти делали, что могли. Меры борьбы были таковы: крестьяне, на чьи поля напала саранча, должны были немедленно заявить местному старосте, который тогда без промедления спешил с людьми их уничтожать. Каждого работающего снабжали сачком со дном из плотного материала, и затем начиналась ловля

насекомых. Собралось в сачке 5-10 фунтов саранчи, их высыпали в вырытую яму; наполненные ямы закидывали землей. По другому способу расставляли людей с метлами вокруг наибольшего скопления и сметали саранчу в кучу. Эта работа длилась приблизительно час; потом накрывали кучу с саранчей соломой, обливали сверху керосином и зажигали. Много таким путем было уничтожено, но и оставалось еще. Уцелевшие уже не причинили большого вреда хлебу, тем более травам. Год этот был неурожайный, с десятины получили 5-10 пудов пшеницы, и ржи также мало. Вследствие этого, поднялись значительно цены: пуд твердой пшеницы сорта белотурка - стоил 100-120 коп., мягкой - русской - тоже выше рубля, так что крестьяне у которых сохранился в запасе старый хлеб, могли зашибать рубли.

В 1886 году в окрестности с. Лифляндки был плохой урожай пшеницы, но тем богаче он был на полях немцев и русских в местностях по р. Еруслану; особенно, на повышенных местах выросли картофель и богатая зерном пшеница. В Лифляндке рожь тоже дала по 80-100 пудов, и поэтому цены на рожь были низкие. Обильные дожди осенью препятствовали обмолоту и многие не обмолотили хлеб. В декабре стояла такая хорошая и ясная погода, что почти до Рождества скот ходил на пастбище.

В 1887 году кончился наш срок аренды казенной земли и землю вокруг нашего села опять предъявили к аренде. Наши сельчане не нашли выгодным прямую аренду у казны и уступили свое первенство крестьянам деревни Горецка, которые арендовали один участок по 225 коп. с десятины в год, тогда как лифляндцы за этот участок в 1882-1887 гг. платили только по 1 рублю за десятину.

Урожайность в 1887 г.: пшеницы по 40-50 пуд. с десятины, ржи совсем мало. Цены в конце августа за пшеницу поднялись до 125-135 коп.

пуд, за пуд ржи платили только 80 коп.

Зима 1888 г. была мягкая, временами шел дождь, иногда мокрый снег. 20-го марта снег начал таять и потому надеялись 30-го марта выехать в поле. Но эта надежда была обманчива: зима вернулась, продолжалась недели 2, и только 17 апреля можно было начать полевые работы. Время посева было холодное и сухое, у многих, посеявших слишком рано, хлеба не взошли. Средний посев был лучше, но последний опять не взошел из-за сухости. Ожидали неурожая. К этому прибавился еще особый грабитель полей, косивший без жалости хлеб. Это был суслик, особый вид, с желтой шерстью, полевой крысы. Нашествие суслика пошло так: в 1868 г. суслики обитали в Царевском уезде Астраханской губернии, в левобережье р. Волги, где они не причиняли особого вреда полям, так что калмыки, которые считали их лакомым куском, могли, конечно, называть их украшением степей. Года через 2, они уже вредили полям и их стали преследовать, платили за голову убитого суслика 3 коп. Эстонцы, приехавшие в 1870 г. обратно с Кавказа, видели этих дивотных впервые. Позже они проникли в окрестности р. Торгун и в 1875 г. — гор. Новоузенска, где они начали страшное свое дело уничтожения, опустошив сотни десятин посевов. Власти принимали возможные меры борьбы с сусликами, но эти вредные грызуны размножались так обильно, что земледельцы считали уже невозможным возделывать хлеба. Сусликов ловят многими способами. Весной, перед обработкой полей, он выходит из подземных квартир и открывает все норы, которые заделались зимой. Роет он также новые прямые норы в земле, которые соединяет под землей ходами, так что он легко проскакивает в одно отверстие и пройдя несколько под землей, выходит через другое, и ~~и что~~ его шутя не поймает. До пахоты их легче всего достать тем, что заливают норы водой. Но этот спо-

соб тяжелый, потому что в некоторые норы приходится лить 5-8 ведер воды, прежде чем вредитель выйдет. Иногда его достают и одним полным ведром воды. Норы он делает, большей частью, на повышенных местах, чтобы вода не так легко проникала в норы. В первых числах мая суслик отрождается и через две недели суслята величиной с кро-та, по 7-8 сразу выходят греться на солнце. Как только молодые сус-лики покинули свое гнездо, начинается усиленное стрызание пшеницы, особенно, на повышенных местах, откуда им легко заметить приближе-ние врага. И горе хозяину, если он их до отрождения не уничтожил со своего поля! В последние годы вред от них так увеличился, что крестьяне окружали свои поля канавами в поларшина шириной и такой-же глубины. В августе суслик уже мало трогает посевы, т.к. он ищет себе на зиму квартиру. Для последней он роет в земле нору 4-5 фу-тов глубиной, устраивает там гнездо, где и спит зиму без пищи. Те-перь в последние 2 года вред от сусликов не так велик, но до 1888 года здешние земледельцы не знали еще вредных повадок этих живот-ных и мер борьбы с ними; поэтому у крестьян с. Лифляндки они и могли съесть много десятков десятин хлеба, что в этот неурожайный год было весьма чувствительно. Еще многим грозил недостаток кормов по-тому, что осенью на пастбище не было травы и скот рано поставили в стойла.

В январе 1889 г. выпадали часто дожди при западном ветре. 20-го марта начал таять снег. К 11-му апреля земля уже подсохла и выехали в поле. Посев прошел при хорошей погоде и через три недели зерно было в почве и всходило; только посевы последней недели остались редкими. 15 мая, местами, прошли обильные дожди, но минуя лифлянд-ские душевые земли, в то время, как рядом лежащие казенные, на ко-торых были также поля более состоятельных лифляндских крестьян,

обильно оросились. В конце мая влагу получили и наши душевые наде-
лы, но это уже мало помогло. В июне настали жаркие дни, и надеять-
ся на хороший урожай было нечего. В конечном счете, с душевой земли
мы получили 30-40 пудов против 60-80 пуд. с казенных. Цены на хлеб
поднялись до 115-125 коп. за пуд пшеницы-белотурки, 100 коп. за
пуд "русской" пшеницы. В этом году выехали 2 семьи из нашего села
на арендные земли в Уфимскую губернию и из ближайшей соседней дерев-
ни тоже 2 семьи; в 1891 году переселились семья крестьянина ~~из~~ на-
шего села и другая ^{д/з} - Горецки из Уфимской губернии в Сибирь, а в
1895 году упомянутые семьи переехали из Барнаула ^{Томской губ.} в Акмолинский уезд,
где они надеются на лучшую жизнь.

В 1889 году крестьяне Лифляндки посеяли 1 августа рожь, но
вследствие сухой погоды она не взошла, и не было надежды на всходы,
т.к. семена, до высыхания, дали ростки. Поэтому в конце августа по-
вторили посев. В первых числах сентября выпал обильный дождь, и
озими хорошо росли. Вторая половина сентября была похожа совсем на
весну, т.к. трава замечательно зазеленела, хотя и не выросла высокой.
11-го октября снежный покров прочно объял весь Новоузенский уезд,
было холодно, и матушка Волга к 10 ноября одела зимний покров, что
было очень рано.

В январе 1890 г. была хорошая погода; в феврале достаточно хо-
лодно. Весна начала свою деятельность с 10 марта и 14 горецкие му-
жики поехали уже в поле. Вскоре начался снегопад и только 21 марта
поехали и лифляндские крестьяне в поле, где работа шла успешно,
т.к. суровая зима разрыхлила почву. Все хлеба взошли довольно хорошо
и подавали надежду на хорошее, но 20-25 мая наступила жара, термо-
метр показывал в тени свыше 25°, и на солнце свыше 30° тепла. Эта
жара высушила поля с пшеницей и рожью уже до цветения. Только одна

треть цвела и вырастила зерно; при этом поля, посеянные после снегопада, были значительно в лучшем состоянии. В конце июня шел обильный дождь и хлеба снова тронулись в рост. Поздние мягкие русские пшеницы извлекли из этого дождя некоторую пользу, в остальном, дождь обеспечил корма. Пшеница белотурка дала с десятины по 15 пуд., русская пшеница до 20 и более, но рожь только 8 пудов с десятины. Тяжело было самарским крестьянам при таком низком урожае, тем более, что цены на хлеба пали так, что за пуд пшеницы-белатурки платили только 80-85 коп., за русскую пшеницу 70 коп. пуд. Некоторым было тяжело прожить длинную зиму и поехать на другой год в поле; но при поддержке друг друга прожили.

В этом году была куплена вторая собственная земля (участок) с. Лифляндки в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Раньше писалось, что в Уфимскую губернию поехали 2 семьи на арендные земли и теперь поехал из Лифляндки один состоятельный крестьянин посмотреть уфимские земли, которые ему понравились: земли плодородные, сенокосы хорошие и лиственных лесов не мало. Потом этот лифляндский житель встретил человека, продающего свой уфимский участок земли; и, после долгих размышлений, купил этот участок в собственность. В нем было более 900 десятин, в том числе и 60 десятин лиственного леса. Покупная цена десятины была 18 рублей, прибавить сюда расходы по покупке. Деньги он выплатил все сразу. Купленная земля родит пшеницу, еще лучше рожь, овес, картошку и значительно более трав, чем такая в Новоузенском уезде. По почве и подпочве земля схожа с ливенской (~~в Зотонии~~), но зима длиннее и холоднее; в августе случаются заморозки, которые вредят гречихе и просу. Участок находится в 12 верстах от станции Раевка Сибирской жел. дороги. Собственник этого участка в 1860 году переселился в Самарскую губернию батраком в

сопровождении своего старшего брата. Теперь он осирвательно зажил в Уфимской губернии, хотя и в Самарской за 30 лет приобрел более 1.000 десятин в собственность земли. Кроме того, у него 70 голов рабочего и столько же другого скота. Едва-ли кому из переселенцев выпала такая удача. х) Несмотря на богатство, этот человек не забыл свое батрачество, и часто рассказывал, в назидание молодым, об этом времени, сравнивая его с настоящим, с более легким трудом. При жизни в довольстве, прививаются, особенно молодежи, многие дурные привычки. Поэтому надо решительно выступать против скверных привычек, ибо только уничтожив их, молодой и старый могут правильным путем по настоящему испытывать свободу.

1891 год. В январе и феврале было холодно, много снега, и только в марте зима начала сдаваться. 10-15 марта талые воды обычным путем устремились к матушке Волге; еще 2 недели и настало время посева, но в первую неделю посева лютовал холод так, что почва ночью замерзала вершка на два и работать можно было только после обеда, когда оттает. На второй неделе посева стало теплее и крестьянин мог без препятствий работать. В три недели посев был закончен, и земледелец мог более спокойно проводить дни. Май принес обильные дожди, промочившие почву на 4-5 вершков, и вследствие этого хлеба начали удивительно хорошо расти. Из одного зерна выросло от 10 до 15 стеблей. Это обещало хороший урожай. С 15 мая дни стали сухие, но пшеница и рожь еще заметно поднимались вверх. Крестьянин уже хмуро смотрел

х) От переводчицы. История этого необычайно разбогатевшего батрака, по рассказам сельчан, такова. Шел из Эстонии чуть-ли не пешком. В дороге помогал семье вдовы, имевшей деньги; женился на ней; разбогател особенно в голодные годы, имея в амбаре запасы хлеба, который продавался по дорогим ценам. Человек крепкий, не знавший болезни, работал и в богатстве, не жалея ни себя, ни других.

в будущее. Засуха продолжалась до конца мая, тогда как в жаркую погоду полям так необходима была влага, но увы на горизонте не замечалось и признаков дождя. Настал июнь, но дождя не было. Все-же хлеба еще держались, но 10-15 было так жарко, что термометр в тени показывал свыше 30° тепла, и около 40° на солнце. С такой жарой уже не могли бороться посеы и начали на глазах желтеть. Видя это, большая скорбь наполнила сердце крестьянина, ибо вся надежда на хороший урожай пошла прахом. Боялись, что поля совсем останутся без зерна, что отчасти и оправдалось. Предвидя неурожай земельные власти послали низшим судам предписания, чтобы они потребовали от населения немедленно погасить старые долги, потому что теперь еще народ мог достать денег продажей скота для погашения старого долга. Но низшие власти не могли слишком напирать с такими требованиями уплаты долгов, потому что с полей не было надежды что-либо собрать. У кого, может быть, еще и был скот, он продавал его под давлением наступающего бедствия, так что циркуляры ~~уездных~~ властей остались, б.ч., не выполненными.

Прошел и июнь; дождя не было, да он почти и не помог бы. В конце июля узнали, что более, чем в 10 губерниях, вследствие неурожая, ждали больших бедствий. Это известие опечалило еще глубже сердце самарского крестьянина. Крестьянам и рабочим не оставалось ничего, кроме надежды на бога и высшую власть в государстве.

В государстве спешно начались подготовительные работы по помощи народу. Для этой цели, прежде всего, собирали от народа сведения и записывали, сколько кто собрал хлеба, и какие запасы хлеба были у народа. Все поля, вспаханные осенью и весной посеянные под борону, дали 10-12 пудов с десятины, тогда как веснопашки, местами, не дали более 1-2 пудов. Крестьяне, у которых была осенняя пахота, надеялись как-нибудь перебиться;) но большую нужду испытывали более бедные,

которым приходилось продавать последний скот, чтобы купить хлеба. По совету ~~уездных~~ властей, выбрали особую комиссию, которая должна была заботиться о хлебе и семенах народу. Самарская комиссия собрала сведения, сколько остается в уезде у состоятельных хозяев хлеба, если учесть свое содержание и семена, предполагаемые к посеву, и сколько осталось у кого лошадей и рогатого скота. Собрав все сведения о состоянии жителей, разделили крестьян на две категории, из которых одни, считали, могут обойтись без помощи от казны, а другие, без этого безусловно прожить не смогут. И еще раньше, чем от казны пришла более существенная помощь, открыли местные запасно-хлебные магазины, (амбары общественного хлеба), откуда раздавали более бедным хлеб; но это продолжалось не долго, потому что уже в предыдущие неурожайные годы народ брал из этих магазинов-амбаров в долг, но не вернул обратно и вследствие этого сельские магазины-амбары были почти пустые.

В 1879 и 1880 гг. ~~уездные~~ власти закупили у местных крестьян хлеб, который раздавали нуждающимся. И теперь ~~уездная~~ власть советовала купить у состоятельных крестьян хлеб, но последние заломили слишком дорогую цену, так около 180-200 коп. пуд. Поэтому комиссия по помощи не купила у местных крестьян хлеба и снарядили посланцев в Херсонскую и Таврическую губернии закупать хлеб. Те закупили хлеб у одесских крупных торговцев по 80-100 коп. пуд, по каковой цене посчитали и ^зямень и рожь. Вместе с перевозкой этот хлеб обошелся, в среднем, по 118 коп. пуд. Теперь выдавали нуждающимся на душу по 30 фунтов в месяц, в числе 30 фунтов было 5 фунтов ячменя. На семена купили зерно со своей местной земли по 160 коп. пуд. Прибывший издалека хлеб оставили на Саратовском вокзале, откуда потребители помощи возили его в волостные амбары. Но эти 30 фунтов не могли

удовлетворить тех, у кого не было других источников питания. Учитывая такое положение, духовные власти тоже организовали в Саратове, по совету городского пробста Альторфа, Томсона и Рооза комитет помощи, который избрал своими руководителями названные лица. Те начали, при помощи церкви, собирать пожертвования; написали в Эстонию и Ливонию (б. Лифляндию) просьбу о помощи. Эта просьба не была напрасной: из Эстонии и Ливонии потекли деньги тысячами на имя комитета. Последний пересылал их пасторам приходов и священникам, которые не выдавали нуждающимся деньгами, а покупали крупу, горох и кукурузу (или маис) зерном.

Первые пожертвования, из расчета по 20 фунтов на душу, дошли до потребителей помощи в декабре. В январе и феврале пришло уже больше пожертвований и наряду с мукой выдавали крупу и горох — на каждого нуждающегося всего по 1 пуду 10 фунтов в месяц. В марте прислали помощь и одеждой. Эстонцы мало брали из последнего вида помощи, но тем более нуждались в одежде немцы. В конце марта пришла помощь страдальцам и из "Общества Красного креста", и в виде семян для посева, с обязательством уплаты в течение 3-х лет. Весной, в апреле, дошли до самарских голодающих пожертвования и из Америки, и теперь уже прошла острая нужда.

Теперь посмотрим, кому и сколько, из какого народа, потребовалось помощи. В селе Лифляндке было 150 душ: из них пользовались пожертвованиями 30 душ, и 50 человек обошлись хлебом из общественного запасно-хлебного магазина-(амбара). Лифляндка могла бы и больше помочь деньгами из своего магазина, так что и не потребовались бы пожертвования со стороны, но нам не выдали наши деньги, которых было в магазине около 1.000 рублей. (как происходило в 1880 году), Нашим нуждающимся в помощи выдавали только по 30 фунтов хлеба на душу в месяц; и наши

бедняки вынуждены были принять пожертвования, в то время, как наши 400 рублей оставались у ~~уездной~~ власти, где они находятся и теперь. Если бы эти деньги разделили среди бедняков, те могли бы найти более действенные средства помощи. Из 190 душ эстонской деревни Горецка казенную и пожертвованиями помощь использовали 100, и из — Эстонской Балтийки с 300 жителей — 200 чел. На русские села пошло примерно столько, сколько и на последние два эстонских, но немецким селам потребовалось значительно больше.

1892 год. Январь и февраль месяцы были теплые и тем уже уменьшали беду, что меньше расходовалось топлива. В конце марта снег начал таять и свежий весенний воздух оживляюще подействовал на страдальцев. 11 апреля земля уже настолько провяла, что можно было думать о посеве, но у половины крестьян не было своих семян и они должны были брать в долг у казны, которая давала по 5 пудов на лошадь. Это многому не помогло, так как в Самарской губернии можно посеять 25 пудов семян на лошадь. После посева и хороших всходов, май принес живительную влагу (дождь). Крестьянин мог опять надеяться, что получит хлеб от своего посева. Но еще до уборки на голову людям свалилась новая беда.

В феврале с Персидской границы пришло известие, что там свирепствует холера. Оттуда она проникла и в Россию в апреле, а после вскрытия Болги и начала навигации стремительно распространилась в Астрахани, в июне дошла до Саратова, откуда вторглась в провинции, в том числе и в Новоузенский ^{уезд}. Везде царил большая тревога, ибо болезнь брала уже жертвы из ближайших русских и немецких сел. 1 июля ужасная болезнь появилась уже в эстонской деревне Горецка. 7-го июля умер первый человек. Правительство строго приказало хоронить умерших в этот же день и было строго запрещено приближаться без

надобности к больным. Но жители Горецки не придали большого значения этому запрету и болезнь быстро, как ветер, распространялась и когда уже умерло 5 человек, здоровые стали сторониться больных. Но увы! Болезнь уже разошлась по всей деревне и каждый день умирали один или два человека. Беда была уже большая, вся деревня болела, кто не холерой еще, тот холериной, т.е. полхолерой. Люди болели, а поля были полны зрелым зерном, напрасно ожидая косцов. Здоровые работали день и ночь как машины, при чем водка, без оговорок, считалась самым надежным средством, отпугивающим болезнь. В это время Лифляндка и Горецка составляли один церковный приход и поэтому холерных мертвецов хоронили на лифляндском кладбище. Каждый погребальный звон напоминал о большой опасности, уже очевидной. Около 2-х недель свирепствовала злая болезнь в Горецке и унесла в могилу 13 человек. Только тогда она угасла и сразу исчезла из деревни, где заняли место обычная жизнь и деятельность. Хотя Горецка и находилось в 2-х верстах от Лифляндки, болезнь не проникла к нам, где усердно выполняли предписания власти. В это время у нас был дельный и серьезный сельский староста, который делал все, что только было возможно, чтобы уберечь село от болезни. О себе он говорил: "Со своей стороны я принял все меры предосторожности от болезни и если я все-же заболею, отнесите меня немедленно в стоящий на краю села пустой дом моего брата и подавайте мне есть и пить через окно". Один рабочий все же умер в нашем селе и его похоронили на нашем русском кладбище. Здесь оправдалась старая народная поговорка: "Береженого и бог бережет". Уборка хлеба шла медленно и рабочие руки были очень дороги, ибо из боязни перед холерой не пришло должное количество рабочих рук из средних губерний. В Саратове бушевала холера и через город было запрещено проходить рабочим из сельских мест. Против сл. Покровской,

на левом берегу Волги было отведено просторное песчаное место для рабочих и ^{здоровых} местных жителей, где были построены летние дома. Сюда приходили наниматели рабочих. Но еще до начала покоса с запада на-двинулась на нас тучей саранча и грозила уничтожить обильный урожай, который был уже осязаем, т.е. почти в руках у нас. Много ущерба нанесли нам непрошенные гости, особенно, полям с рожью, которая уже вполне созрела. Где их было немного, они перегрызали колос пополам, не отгрызая совсем от стебля, как они делали там, где их было множество. Особенно повредили они более высоким полям, но пшеницы они почти не тронули. В первой половине августа, ^{весь} почти хлеб был скошен и свезен на гумно. Дни были сухие и способствовали обмолоту, так что крестьяне и с этим покончили к последним дням сентября. Как и можно было ^и предполагать, на землях, вспаханных осенью, урожай был несравненно выше, примерно 100-120 пуд. с десятины, тогда как веснопашка дала только 10-40 пуд. С этим большой урожай пришелся на долю состоятельных крестьян, у которых значительно преобладала зябь (пашня под зиму), тогда как у более бедных - веснопашка. Теперь начался подвоз хлеба в город. Деньги были нужны крупным и мелким крестьянам, особенно, из-за неурожайных последних годов, которые большая часть крестьян могла пережить только благодаря займам; теперь долги должны быть погашены, что и не было трудно, так как цены на хлеб были хорошие, за пуд пшеницы платили 100-115 коп. Состояние крестьянской жизни значительно повысилось и рабочие хорошо получили за свой труд, хотя последним в убыток были слишком высокие цены на хлеб.

В сентябре казна стала требовать возврата хлебных займов. Заимы были даны при условии возврата в три урожайных года. Теперь с народа требовали уплаты лишь $\frac{1}{3}$ долга. Долг принимали деньгами, или хлебом. Например, кто-нибудь задолжал 50 пудов, а он возвращал столь

ко же обратно; деньгами брали из расчета 60 коп. пуд. Весь принятый хлеб ссыпали в волостной амбар, откуда позднее его перевозили за счет должника на Саратовский вокзал. Так как хлеб, б.ч., был куплен на деньги казны по 120 коп. - на питание и по 160 коп. - на семена, то сейчас казна брала хлеб обратно с убытком, почти за полцены. Короче говоря, половину этого займа народ выплатил, а остальную половину казна взяла на себя. Но те члены общества, которые не пользовались помощью от казны, не везли свой хлеб в Саратов, а ссыпали его в местные магазины-амбары, где он хранится и до сих пор. По приказу ~~уездной~~ власти в 1893 и 1894 гг. прикупили еще хлеба и ссыпали его в сельские общественные магазины-амбары, чтобы при неурожае он был под руками. В прошедший год голод далеко не был бы так велик, если бы в каждом селе лежал достаточный запас хлеба, чего, увы, не было! Хотя у некоторых сел и хранилась изрядная сумма денег вместо хлеба в магазине-амбаре, но денег никто не мог есть. Должны были покупать хлеб по высокой цене из Одессы и других городов, тогда как во многие предшествующие годы цены на хлеб были совсем низкие. Но кто в довольстве думал о голодном годе! Кроме того, волостные начальники считали громоздким хранить хлеб, тогда как хранить деньги было гораздо легче и они еще приносили хорошие проценты. 1891 год яснее других показал, что только хлебом можно как следует помочь нуждающимся, но не деньгами.

Теперь посмотрим ближе, чем создавалось в хозяйстве новоузенского земледельца (крестьянина) такое бедное состояние. Отчасти, конечно, неурожайными 1890 и 1891 годами, но не только этим. Чтобы представить себе ясную картину, вернемся назад лет на 25 и посмотрим, как жил в то время новоузенский крестьянин. Мы можем ответить, что очень хорошо, потому что тогдашние крестьяне работали с большим

усердием на своих полях; иначе и не могло быть! Все эстонские и русские крестьяне были в свое время крепостными, и теперь получили свободу. Земли были дешевые и новые, что помогало и облегчало на много ведение крестьянского хозяйства. Но в 1875 году дело стало меняться. Земли старели, выпаживались, новых не прибавилось, а казенные земли были слишком дороги. Но все же можно было еще продолжать хорошо жить. Большие перемены произошли в жизни самого народа. Постепенно умирали старики, их место занимали молодые хозяева, которые не любили как мужики работать; надеясь на состояние родителей, они переложили крестьянскую работу на батраков. Можно предвидеть последствия такого уклада жизни. Молодые хозяева искали в кабаках развлечений и времяпрепровождения, что им там и представляли. Число кабаков росло с каждым годом. Например, в одном большом русском селе в 1870-1880 гг. было около 20 кабаков; у каждого был свой довольно большой круг посетителей. (Сейчас, в 1895 году, там только один кабак). С ростом кабаков, на глазах, падало у народа домашнее хозяйство, и многие состоятельные крестьяне, которые не знали в прежние годы недостатка, вынуждены были теперь весной занимать из сельских магазинов-амбаров семена, но все еще жили и на накопленные дедами капиталы. К этому пришли еще и неурожаи в 1873-1880 годах, и теперь уже кончилась большая часть родительского состояния. Не оставалось ничего, кроме продажи части домашних животных, чтобы отогнать беду и недостаток от дома. Но и это не помогло, недостаток увеличивался с каждым годом. 1881-1884 гг. были очень богаты урожаем; и многие, у кого еще ^{был} остался рабочий скот, достигли порядочного состояния, тогда как более бедные жили ручным ремеслом, засевая, кроме того, несколько десятин поля. Но теперь ~~пришли~~ настали последние 4 бедных урожаем года, в которые недостаток и нужда достигли

крайней степени. В доме уже не было стоящих вещей, которые можно было бы продать. Но еще сохранилась одна ценная недвижимость — это душевая земля. Решали из нее продать часть на срок (в аренду). Продажа (аренда) душевой земли может быть только при условии, если это советуют $\frac{2}{3}$ сельских хозяев и разрешит уездное начальство. Если не встречается с их стороны возражений, село может продать на 10–12 лет часть из своей душевой земли. Так как сельская земля уже выпахалась, за нее не давали далеко той цены как за казенную. Например, находящееся недалеко от нас русское село передало около 2.000 десятин на десять лет за 20.000 рублей, т.е. по рублю за десятину в год, тогда как казенные земли стоили в десять раз дороже. Таким образом, с каждым годом росла продажа душевой земли, и в 1891 году продавали даже за 50 коп. десятину. Многие русские и немецкие села закладывали свои земли и занимали деньги, но когда приходил день расплаты с долгом, не было денег у взявших в долг и заложенная земля опять оставалась у заимодателей, само собой, за дешевую цену. Через 5–10 лет пользования, земля отходила все же обществу села. Если в последний год был хороший урожай, село выкупало свою землю, но при неурожае в последний год, земля опять шла на 5–10 лет в руки прежнего арендатора и т.д. Теперь мало сел, которые могут держать всю наделную землю в своих руках. Например: ~~каждое~~ село продало, в зависимости от своей величины, 500–2.000 десятин. Читатель спросит: Что делают бывшие земледельцы и какая нужда заставила их продать наделную землю? Обедневшие крестьяне работают летом у состоятельных, зимой же сидят без дела дома. Кончились заработанные летом копейки, некоторые идут просить милостыню и, таким образом, с грехом пополам проходит зима. Но каждый крестьянин должен уплачивать и подушную подать, а работой на других далеко не получишь требуемое количество

денег, и теперь ничего не остается как продать свой надел. Этим многие погашали свои долги, но многие и нет. В последнее время некоторые семьи выехали в Оренбургскую губернию, на Кавказ и в Сибирь, надеясь, что, может быть, на чужбине лучше наладят жизнь. И таким образом, плохое состояние хозяйства отчасти происходило и от посещения кабаков. Учитывая такое пагубное влияние кабаков, высшая государственная власть взяла продажу водки в свои руки. Теперь пьянства заметно меньше.

1893 год. Январь был холодный и снежный. В феврале потеплело и начал таять снег. Около 7 марта ~~уже~~ показалась из под снега земля. Еще 2 недели и крестьянин мог уже выйти в поле, хотя из-за холода полевые работы не спорились. Все же через 3 недели кончили посев. Холода продолжались. В мае и июне выпало достаточно осадков и можно было ожидать хорошего покоса (урожая). Но саранча в прошлом году садилась здесь не напрасно, она отложила в землю свои яйца, из которых теперь выходили молодые насекомые. Хотя об образе жизни саранчи ^{этим} кое-что и знали, но все же интересно ~~особенно~~ размножение этих вредителей, которых на родине считали сравнительно безвредными, а здесь они вызывают на лютую борьбу. В августе саранча отлагает яйца 3 раза. Отложение последних происходит так: матка просовывает свой яйцеклад, вроде жала острия, (который находится на заднем конце брюшка), в трещины земли и оставляет там яйца на глубине двух дюймов. большой частью на пастбище. После третьей ~~откладки~~ ^{откладки} яиц матка засыхает. Вспахнут пастбище, в которое саранча отложила яички, - в сентябре или октябре - яйца вымерзают зимой. Но сделана такая работа - летом следующего года, обязательно, выведутся молодые вредители. Яйцо саранчи величиной с ржаное зерно и сходно с ним. Находятся яйца в похожих на револьверный патрон коконах в количестве ^{около} 100 штук. При

3-кратной кладке яиц от одной матки саранчи отрождается ^{до} 300 молодых. К 10 мая 1893 г. молодая саранча стала заметной и власти немедленно приняли возможные меры к ее уничтожению. Людей посылали ее ловить, но на взгляд она совсем не уменьшалась, так как из земли выходила каждый день миллионами. Так ловили мы саранчу в течение 2-х недель. И вдруг наши враги поднялись вверх и полетели, избавив тем нас от большой опасности. Молодая саранча собирается стайей, или роем, под управлением одной матки. Полетит матка, которая летит впереди, на запад, туда вслед полетят и молодые, повернет она к востоку или югу и они повернут за ней. Когда саранча еще не летает (пешая), она всего опаснее. Проходя через хлеб, она прежде всего съедает траву, потом нижние листья злаков и горе тому полю, где она долго задерживается. На ночь они ползут на верх растений. ~~и там ночуют.~~ В конце июня начинается лёт и саранча закрывает видимое небо вроде крупинки снега во время сильного снегопада. Пролетев 2-3 версты, она спускается на отдых - на верхушки стеблей травы или хлеба; но ей некогда, она спешит далее, и беда тому месту, где она остановится на ночь. И нам пришлось видеть насколько саранча живуча. В июне выпал град - редкое явление в этой местности - в котором были градинки величиной с кончик пальца. Пошли мы после града на поля - пшеница и рожь, через которые прошел град, были совсем побиты в мязгу, но саранча жила по прежнему. При тщательном осмотре, мы нашли, что полоса выпадения града была не шире 400 сажень и длиной около 3-х верст. Около 60 десятин пшеницы было побито градом так, что едва получили семена. В общем, урожай был средний. Пшеница "белотурка" дала 40-60 пудов, русская пшеница - 30-40 пуд. и рожь - 25 пудов на десятину. Осень была сухая и крестьянин управился со своей работой еще в сентябре. В этом месяце объявили к аренде находящуюся вокруг нашего села казенную землю. Наше село также арендовало два

девятипольных участка, один из них в 500 десятин по 218 коп. в год, второй 420 дес. и десятина обошлась в 180 коп. Землю разделили между арендаторами поровну, так что каждому земледельцу досталось около 14 десятин пашни, за которые он платил в год 120 рублей. Как выше говорилось, участки были 9-ти польные, т.е. шесть полей каждый год должно отдыхать и 3 поля каждый год разрешено к посеву. На двух посеяли пшеницу, на 3-м рожь. Последние посевы в середине августа хорошо взошли, т.к. месяц был дождливый и теплый.

В 1894 году зима была вообще теплая и весна настала очень рано, но была холодная, так что посев можно было начать только 8-го апреля. Так как во время пахоты не было дождя, кончили ее на несколько дней раньше чем в прошлый год. В середине мая прошли обильные дожди в районе р. Еруслана и хутора Кулазина, тогда как лифляндские поля мало получили влаги и урожай на последних был средний, в то время как в районах Еруслана и гор. Новоузенска сняли с десятины по 100 - 150 пудов. Там некоторые более состоятельные крестьяне получили столько хлеба, что не смогли поместить его в своих амбарах, и часть должны были оставить, спрятав на гумнах, не смотря на то, что вследствие дождей во время молотбы много хлеба испортилось. Цены на хлеб пали неслыханно низко, земледельцы же ждали их повышения. В надежде на это они занимали из правительственных касс деньги, но цены пали еще больше и заемщики вместо прибыли понесли убыток.

Сейчас, возможно, кстати, упомянуть о займах, предоставляемых государственным банком. По постановлению 1893 года, мелкие и крупные земледельцы могут получить из государственного банка заем деньгами, если они внесут в заклад хлеб и, таким образом, удержать

цены на более высоком уровне. Минимальное количество закладываемой пшеницы - 500 пудов и деньги даются в заем по существующим в это время ценам. Например: пуд пшеницы стоит 50 коп.; банк вычитает из них 10 коп. за провоз пшеницы до города; сверх этого вычитает закладные проценты и страховые от огня. Таким образом, за пуд пшеницы выдадут только 30 коп.; иначе говоря, хозяин получит заем за 500 пудов только 150 рублей. Если должник в назначенное время не сможет погасить свой долг, банк отбирает эти 500 пуд. пшеницы и продает их. Если же взявший в долг деньги, в этот промежуток самовольно продал хлеб, он подвергается тяжелому штрафу и кроме того, у него потребуют долг через суд. Банк дает в долг на 9 месяцев и берет 6% закладных и если должник не сможет уплатить ^{даже} в первый срок ~~долг~~, делает отсрочку, но только на 3 месяца.

1895 год! Уже 40 лет прожито в России! Народ живет без заботы, ибо у каждого хозяина есть сколько-то пудов в амбаре и необходимая копейка в кармане. Зима настала и прошла обычным порядком. Крестьяне выехали в поле 9 апреля, но во время пахоты дул холодный восточный ветер, который удивительно быстро иссушил почву. Полевые работы затянулись. Все же и, без дождя, всходы были дружные, только на полях, ^{но}сборванных последними - редкие. В середине мая выпали обильные дожди. Пшеница и рожь росли хорошо, так что можно было надеяться на хороший урожай. Но в июне, вместо дождевых туч, пришли жара и засуха. Белотурка (пшеница) устояла, но поля с русской пшеницей и с рожью начали засыхать. Крестьянин горевал, и все же ждал поправки посевам, но напрасно. Зерно поспело на 15 дней ранее срока и вследствие засухи был небольшой урожай. Белотурка дала 30-40 пуд. с десятины, русская пшеница и рожь только 15-20 пудов. Цены были: белотурка 62-65 коп., русская пшеница 50-55 и рожь 32-35 коп. за пуд.

Сентябрь и октябрь в этом году были сухие и ясные; навряд-ли в течение 40 лет эти месяцы были так сухи. Поэтому лифляндские крестьяне вспахали поля ранее обычного.

Итого, собраны наиболее приметные данные об урожаях и недородах хлебов на полях в течение 40 лет. Как видит читатель, здесь говорилось только о возрастании пшеницы и ржи, и о ценах на них, но у нас растут еще: овес, ячмень, просо, картофель и капуста. В последние годы овес, ячмень и просо стали редкими зерновыми в местном углу потому, что земли устарели, а дождя выпадало меньше, чем в прежние годы. Картофель сажают каждый год, но она мало урожайна, так что из 10 лет выпадало 5, когда получали обратно только семена и в другие 5 лет сам 2-5 семян. Капуста растет только при поливе.

Таким образом, самым важным хлебом для нас является пшеница. Рожь дает мало и некоторые хозяева покупают для еды в Саратове ржаную муку. Что рожь плохо родит, виновата не земля, а сами хозяева потому, что не так ухаживают за землей, как требуется для ржи. Если бы эстонец или русский вспахал землю 2-3 раза до посева ржи, тогда был-бы и урожай выше. По здешнему обычаю, б.ч., рожь сеют наволоком в пшеничное жнивье, и не удивительно, что она мало дает.

Познакомимся теперь поближе с ежегодной работой крестьян села Лифляндки, вместе с тем и ближайших мест. Как было видно уже выше, в последних числах марта, или в начале апреля, крестьянин выходит в поле. Время посева короткое и длится только 2-3 недели. Более состоятельные крестьяне кончают полевые работы раньше 2-х недель потому, что у них поля вспаханы под зябь с осени и боронование идет быстрее пахоты. При выезде в поле берут с собой на неделю еду и корм скоту. ~~Себе варят 2 раза в день, лошадей, кроме похи, кормят часа в~~

~~3 утра и в 2 часа дня, тогда как быков и верблюдов только 1 раз в день в обеденное время, и ночью — на подножном корме.~~ Порядок работы таков. Сеют хозяева сами, или старшие рабочие. Для посева берут 120 фунтовый хлебный мешок, насыпают в него 40-60 фунтов пшеницы. Мешок вешают на спину таким образом, чтобы правая рука свободно доставала зерно, а левая рука в это время поддерживает мешок так, чтобы зерно подавалось непрерывно. Начинается посев, при котором сеятель бросает семена при шаге правой ноги. Разбрасывает сеятель семена при 2-х аршинном продвижении вперед: одну горсть направо и другую — налево, так что при разбрасывании каждой горсти высевается 4 аршина в длину и $4\frac{1}{2}$ аршина в ширину, т.е. 18 квадратных аршин. Посев идет кругом поля, и так как борозды длиной в 160-800 сажений, лошадь с мешком идет за сеятелем, ибо он не может тащить с собой семян на посев 300-1600 сажений. В последнее время работают сеялки, но по осенней пашне (зяби) их работа не идет так гладко, потому что земля тогда бугристая.

Семян идет на посев: белотурки 4 пуда на десятину и при старой земле 5 пудов; овса и ячменя столько же. Семена заделываются весной в землю железными боронами с 28-32 железными зубьями. На каждую борону нужна лошадь или 2 быка, и у каждого человека на руках 3-4 лошади, которыми он боронует. При первой лошади рядом идет человек, вторая лошадь привязывается к первой бороне и третья — ко второй бороне. Лошади идут друг за другом и так идут 3-30 бороны в ряд и если хорошо боронуют, должны пройти по одному месту 10-22 бороны. Борона имеет в длину $2\frac{1}{2}$ аршина и около 2 аршин в ширину; весят они 2 пуда и больше. Весной можно забороновать одной бороной около полдесятины в день. Боронование длится 8-10 дней. После идет пахота таким способом. В 2-х лемешный немецкий железный плуг запрягают 4

лошади: 2 лошади идут по живью, одна по борозде и 4-я по вспаханной почве. За плугом одна лошадь идет с бороной, уравнивая пашню. Напоследок, поля прикатывают. Весной двухлемешным плугом можно вспахать $1\frac{1}{4}$ десятины в день и если лошади сильные, то и $1\frac{1}{2}$ десятины. Плуг пашет в ширину $\frac{3}{4}$ аршина и весенняя пахота должна быть глубиной 2-3 вершка. Для 2-лемешного плуга требуется 6 рабочих лошадей, ~~чтобы~~ ~~затем~~ хорошо вспахать. Осенняя пахота начинается в августе месяце и, преимущественно, у состоятельных хозяев. Плуг здесь однолемешный, "хохлацкий", или маленький русский плуг, в котором ходят 5 или 6 пар быков и при плуге 2 человека. Пашут на глубину 4- $4\frac{1}{2}$ вершка и плуг берет сразу 10 вершков в ширину. Более мелкие земледельцы пашут и осенью 2-лемешным плугом, впрягая 6-8 лошадей, которые ходят парой одна за другой. С шестью лошадьми может ходить еще и один человек, но 8 лошадей требуют 2-х, причем они оба погоняют лошадей, а плуг пашет без человека. Весной после возделывания полей, крестьянин может вздохнуть посвободнее. Отдохнул рабочий скот несколько дней, начинают готовить из навоза кизяки, или кирпичи для топлива. Зимой навоз складывают на дворе в кучу, которая покрывается сверху снегом, чтобы навоз лучше сопре. Теперь навоз вывозят на просторную площадку и растлают слоем в 4-5 вершков толщиной. Покончив с этим, связывают лошадей так, чтобы они ходили кругом одна за другой, и начинают месить навоз часа 3-4. Промесив как следует, проборонуют слой раза два, чтобы сравнять следы лошадиных копыт; после этого люди протапывают навоз еще ногами и тогда дают всему этому настилу день или два сохнуть; затем вырезают лопатами кизяки (кирпичи) и ставят их рядами сохнуть. Приблизительно через 2 недели кизяки складывают в кучи, откуда перед покосом перевозят под навес, чтобы зимой были сухие к топке. Приготовив кизяки, начи-

нают уничтожать сусликов, так как в это время в каждой норе находится один или два, а после отрождения с ними уже не будет сладу.

Настает двухнедельный перерыв, во время которого обмазывают стены построек глиной и чинят крыши. Как известно, наши постройки большей частью сделаны из саманных кирпичей и сверху обмазаны глиной. Обмазку обновляют каждый год потому, что дожди и снег в течение года смывают глину. Кончив эти работы, при надобности пристраивают новые помещения, приводят в порядок полевой инвентарь. В середине мая месяца начинается сенокос, который у нас в Лифляндке грозит стать редким делом. Хороших трав совсем нет. Для овец все же скашиваем несколько возов грубого сена. Рост трав убывает потому, что местные крестьяне держат много скота, который на пастбище вытаптывает даже корни растений. Вообще при состоятельных хозяйствах сено косит хозяин с работниками, или приглашают в помощь людей, которым платят с десятины. Сено свозят на гумно или домой и складывают в скирды.

В первых числах июня поднимают пары под рожь, но у эстонцев и русских нет в обычае пахать пары, только $\frac{1}{3}$ крестьян с Лифляндки пахут под рожь в июне, при чем другие, как говорилось выше, высевают рожь по жнивью после пшеницы. До конца июня месяца довольно большой перерыв работ в поле. В это время идут приготовления к уборке хлебов: чинят телеги, сбрую, грабли, подправляют косы и налаживают другие дела. Чем ближе к покосу, тем кипучее становится предварительная работа. В первых числах июля поспевают рожь. По настоятельному хозяева отдадут косить рожь с десятины, при чем платят за покос с уборкой снопов по 2-3 рубля, а за покос (без снопов), при уборке только в кучи 1-2 рубля. Косцы работают на своем хлебе. Помельче крестьяне косят сами, или нанимают кого-либо по деньгу себе в помощь. Косовица ржи длится 8-10 дней, и если позволяет

косовица пшеницы, свозят до нее с полей рожь на гумно. Теперь начинается самая кипучая работа за весь год. Тысячами прибывают рабочие на рабочие рынки. Из Саратова и других городов приходят, б.ч., жнецы, тогда как местные немцы мастера косить и связывать в снопы. В последние годы большинство полей косят и хлеб связывают в снопы, так как косцы дешевле и работают на своем хлебе, тогда как жнецов^{х)} нанимают на хозяйском хлебе. Ячмень и овес собирают после скашивания в кучу. Богатые хозяева отдают чужим косить до последнего взмаха косой, тогда как более бедные косят сами, или приглашают, отчасти, в помощь за плату. После недельного покоса, более состоятельные хозяева начинают возить пшеницу на гумно. Эту работу выполняют хозяин со своими годовыми, или помесичными работниками.

Цены за жнитво сильно изменились с 1865 до 1895 года и значительно понизились в последние годы. Раньше платили за десятину жатвы 8-10 рублей и больше, а сейчас 5-8 рублей; за косьбу со связыванием в снопы раньше платили 6-8 рублей, теперь только 3-5 рублей и работник ест свой хлеб. Раньше искали работников издалека, а сейчас их много в каждом большом селе. Как говорилось выше, наем рабочих происходит в воскресенье после обеда. Заключен торг, хозяин покупает магарыч, при котором рабочие отдают свои инструменты хозяину потому, чтобы работник в случае подъема цен на рабочие руки, не мог бы перейти к другому хозяину.

В сухое время жатва продолжается 3 недели, а в дождливую погоду 4-5 недель. Кончили жать, б.ч. работников отправляется домой, меньшая же часть остается и на молотьбу. Весь хлеб свозят на гумно и

х) Работа жнецов, само собой, идет со связыванием в снопы.

скирдуют, что продолжается недели 2. Гумно, площадью в 100-800 квадратных сажень, очищено уже до покоса ржи. Так как новоузенская земля очень сухая и крошится, ток на гумне поливают, если не было обильного дождя, и застилают соломой. Запрягают в телегу лошадей, и часа 3-4 утаптывают землю. После этого сдвигают в сторону солому и ток готов. Молотят хлеб тремя способами. По первому молотят 6-10 сильной (т.е. лошадин.сил.) машиной. Другой способ молотьбы следующий: снопы с пшеницей настилают на ток в виде круга шириной в 3 сажени и толщиной в 6-8 вершков. Круг протяжением 30-60 сажень. Готов круг, запрягают лошадей в телеги, или, ~~а также~~ в приготовленные для этой цели каменные катки и топчут 1-2 часа. После этого слой хлеба переворачивают железными вилами. После 2-х часового топтания на настиле собирается солома, которая стребается сверху граблями. Настил переворачивают еще раз и топтание продолжается с той разницей, что солома собирается на настиле быстрее и ее стребают второй раз, и переворачивают настил и так делают еще 2 раза, а в последний раз переворачивают слой граблями. Теперь вся солома собралась наверху и ее отгребают граблями в краям тока; оставшееся зерно с мякиной стребают в кучу на средину тока. Солому свозят лошадь в скирду. Зерно очищают веялкой, преимущественно, ночью, и утром (до приготовления на току нового настила), увозят домой. Солому и мякину складывают в скирды для корма животным. Молотьба идет при сухой погоде быстро и крестьянин должен день и ночь торопиться, так как работа происходит под открытым небом и дождь может ее легко задержать. При среднем урожае эта работа длится 30-40 дней, а при дождях нечего делать. Если дождь не задержал обмолот хлебов, в августе или сентябре сеют рожь. Хозяева, которые вспахали пары в июне месяце, заделывают семена в землю бороной, а

остальные сеют по жнивью, заделывая семена плугом. Этим работа окончена и если во время выпал дождь, озимые растут быстро, но в сухую погоду самарский крестьянин может быть благодарен, если семена обратно получит.

После посева озимых (ржи), начинается подвозка пшеницы в город, с чем крестьянин, у кого нет в запасе денег, должен тоже торопиться, потому что большим потоком хлеб покупают около Михайлова дня (29 сентября) и дают хорошие цены. Наденет матушка Волга зимний наряд, кончается спешка с покупкой хлеба. Продавцы грузят зерно сразу в баржи, или ссыпают его в амбары, и самое большое хлебное богатство идет Волгой вверх, ибо водный путь много дешевле железнодорожного. В октябре и ноябре покупают мало, потому что в эти месяцы местные дороги очень грязны и вследствие этого подвоз не возможен. В декабре начинают опять подвозить хлеб и до марта месяца.

Мы эстонцы возим хлеб на две пристани: В сл. Покровскую (против гор. Саратова), которая в 70-ти верстах от нас. Там ссыпают весь хлеб, б.ч., в амбары, потому что низкий берег Волги находится в 1,5 верстах. Дорога до Покровской такая ровная, что слепой может управлять лошадьми. Вторая пристань находится в 60-ти верстах - большое немецкое село Ровное - где весь хлеб, б.ч., в августе или сентябре, выгружается продавцами на баржи. Здесь берег Волги крутой и потому подходящий покупателю хлеба. Самые большие покупатели хлеба здесь Бугров, Блинов и Башкиров - все купцы Нижнего-Новгорода. Они и еще многие другие, скупают в день, когда привоз большой, хлеб с 2.000 - 3.000 подвод. В это время около амбаров и барж большая давка: каждый старается скорее избавиться от своего зерна. Когда хороший спрос на хлеб, здесь стоят на якоре 20-30 барж, из которых каждая вместимостью от 80.000 до 100.000 пудов и если баржи

ждут груза, дело крестьянина идет хорошо.

Русские крестьяне возят хлеб на одноконных телегах и у каждого по 2-3 лошади, а зимой и 3-4; эстонские и немецкие крестьяне возят в город хлеб на двухконных телегах и саних зимой.

В ноябре месяце новоузенский крестьянин кончает полевые работы и теперь главной заботой для него остается уход за животными и другая домашняя работа. Всю зиму работа не тяжела, но тем тяжелее летом.

Пусть будет сказано несколько слов о ручной работе, или ремесле. Кузнечная работа требует здесь у крестьянина более всего денег, и так как дерево здесь дорого, употребляют тем более железа. Например, в хорошо окованной железом 2-х конной телеге железа 8 пудов и в одноконной - 4-5 пудов. Куда ни глянь, видишь железо. Так как работа с железом и потребность в нем велики, у всякого более-менее состоятельного крестьянина в Лифляндке имеется своя кузница, где работают хозяин за мастера и батрак за подмастерья. Уголь для кузницы привозят из города и платят по 40 коп. за пуд. Столярные работы, как изготовление телег и всякого рода инвентаря для поля, проводили раньше ~~7~~ хозяевами дома, но в последнее время покупаются готовые телеги. В устройстве плугов в последнее время много новшеств. Например, прежний плуг, кроме лемехов, был деревянный. Лемех был 8 вершков в ширину и столько же в длину. Плуг был устроен подобно немецкому оборотному плугу, впереди на 2-х колесах лежал корпус плуга. Такой плуг стоил 12-15 рублей и требовал силы 3-х лошадей. Теперешние плуги с 3-мя колесами, весят 6-8 пудов, сделаны из чистого железа и стоят 50-60 рублей. Их изготовляют и сельские кузнецы, по 30 руб., но по качеству они намного уступают немецким. Первые железные плуги привезли в 1881 году из Германии и

Москвы, теперь же они употребляются во всем Новоузенском уезде. Вторым важнейшим сельскохозяйственным орудием является зерноочистительная ручная машина, т.е. веялка, которая вошла в употребление с 1880 года. Их изготовляют, большей частью, в Саратовской губернии, откуда немецкие мастера переправляют их сотнями в Самарскую губернию для продажи, по 30-35 рублей за веялку. Для непрерывной работы она требует 4 человек. В день можно очистить 300-500 пудов пшеницы. Преимущество веялки еще и в том, что мякина остается на месте, тогда как при провеивании лопатой много мякины разлетается и пропадает. С появлением веялки, на продажу отправляется гораздо более чистое зерно, чем раньше. Так подвигалось вперед, во многих отношениях, земледелие в Новоузенском уезде, но желательны еще многие улучшения.

Мебельные и сапожные работы прежде делали также дома, теперь приобретают готовые изделия извне, оставляя для дома лишь починку.

Следует еще упомянуть о работе женщин - ткачестве. Для этого у нашей нежной половины еще нет финдляндских ткацких станков, и они обходятся старыми эстонского образца. Женщины ткут зимой, большей частью, полушерстяные разного цвета ткани, изготовление же чистошерстяной - стало редким. Искусство *ткать*, конечно, уступает таковой в Эстонии, но все же является удивительным для местных немецких и русских женщин, особенно, для первых, так как у первых ткачество стоит еще на очень низком уровне, тогда как немецкие колонисты в Саратовской губернии намного опередили их и посылают на рынки для продажи свои ткани сотнями тысяч метров.

Хорошие и плохие стороны жизни и быта.

В 1860-1875 гг. жизнь сельчан Лифляндки можно было назвать хорошей потому, что среди старших в селе господствовали братская лю-

бовь и единомыслие. У всех было одно стремление наладить возможно лучше свою жизнь на чужбине. Молодые беспрекословно слушались старших и жили по требованиям христианства. Ночные шатания и другие грубые выходки и дела были почти не известны, что отчасти объясняется и тем, что горячая работа не оставляла времени для плохих дел, и если и оставалось время, его употребляли более разумно. В нашем селе в это время не было школы и других источников умственного развития, но наши дети и молодежь учились читать и писать. Пробст Аллендорф, приехавший в 1872 г. в Лифляндку проверять молодежь, нашел что выросшие здесь дети намного лучше читают, чем переселившиеся сюда в это время из Эстонии. Но с каждым годом, с этого времени, нравы молодежи ухудшались, особенно, когда в 1879 году в Лифляндку прибыли из волости Ваймала (Эстония) несколько молодых людей, которые принесли с собой и распространяли среди здешних молодых свои грубые и безобразные привычки. Пять лет спустя, нравы молодежи Лифляндки намного ухудшились и всякие безобразия стали обычным явлением. Старшие, конечно, грустно смотрели на это, но ничего не могли сделать, ибо отсутствовало единомыслие. Восстали бы единодушно все родители против плохого поведения молодых, разумеется, плохое исчезло бы. Многие родители думали, что их дети еще не самые плохие и потому не старались наказывать за плохое поведение. Некоторые из старших, где возможно, примкнули к дурной компании молодых, которая нашла через это поддержку и силу. Теперь только увидели родители, которые не умели во время направлять и наказывать своих детей, что никакие меры исправления поведения молодежи не помогут. Вопрос, откуда происходят такие дурные нравы среди эстонской молодежи, которые все ухудшаются? Где источник этого зла? На это возможно сказать следующее. Сравни-

вая воспитание детей у русских и немецких соседей с таковым эстонских жителей, может быть, найдем источник зла. Немец не дает своим детям до 25 лет никаких прав и они должны беспрекословно слушаться родителей и дети слушаются, ибо они с малых лет были с большой заботой и под страхом воспитываемы. Детям до 12 лет не разрешалось даже садиться за один стол со старшими и подавлялись желания детей, если они не сходились с родительскими. Дети должны были мириться с тем, что дают родители и без их разрешения ничего не предпринимать. Воспитанные таким образом дети ничего не знают о дурном поведении и проявляют к старшим любовь и почтение. Воспитание же у эстонцев совсем другое: старшие дают детям много воли и уже не могут удерживать в границах молодежь, когда она плохо использует ее. Вырос своевольный ребенок, он может быть и сам понял, что ошибочно пошел против родителей, но ему и в голову не приходит бояться и почитать их. Родители вначале не придают значения ошибкам ребенка, думая что все само собой исправится, когда ребенок подрастет. Но когда ребенок поумнел, он не исправляется, а стремится свои дурные дела скрыть от родителей. Одним словом, многие эстонские отцы слепо любили своих детей. Разумный родитель наказывает ребенка без оговорок, если находит это необходимым и не дает ему больше воли и свободы, чем тот сумеет использовать. По-моему, все дурное в жизни молодежи и старых людей вытекает из плохого воспитания детей. Навряд ли пойдет вперед культурная жизнь эстонцев раньше, чем они найдут лучший способ воспитания детей. Это действительно необходимо, иначе мы, эстонцы, далеко отстанем от других народностей и ни один из других народов не испытывает в этом больше нужды, чем мы сами. Будут стоять все родители за доброе дело, и стремиться уничтожать все плохое в корне, тогда дело вскоре значительно исправится.

Приведу наглядный пример из быта села Лифляндки, о том, что у эстонцев отсутствуют единогласие и единый совет.

Как известно, живем здесь в одном селе несколько хозяев и у каждого одна цель — иметь побольше денег; при этом нередко сосед смотрит с завистью через забор на соседа, у которого дела идут лучше и поэтому все село разделилось на два обособленные лагеря, где — бедные стоят на одной стороне, а богатые на другой. Бедный не терпит зажиточного за его более широкую деятельность; более состоятельный — более бедного за то, или другое. Вопрос, откуда исходят в одном селе двоякие мысли и желания? Известно, что здесь у нас душевая наделная земля, и село стоит где-то на берегу речки, или наиболее глубокой балки; пахотная земля делится между всеми поровну, а сельское пастбище общее. По постановлению общества, каждый имеющий душевой надел, может содержать на сельском пастбище 6 голов скота, но у более бедных нет столько животных, сколько разрешено, а зажиточные запускают на общее пастбище больше, чем разрешено постановлением. Короче говоря, в селе есть закон, но его не исполняют ни сельская власть, ни хозяева, и те, которые терпят от нарушения закона убыток, смотрят на это дело ища помощи. Как видим, раскол в разрешении вопросов села, так видим раскол и в семьях. Видим с прискорбием семью в самых лучших годах своей жизни, которая сразу расходится, видим как оставляется отец, или мать, которые так заботились о своих детях, или дети слушаются их только с сердцем. Кто виноват в этом? Конечно, бессердечность детей, но также слабость родителей при воспитании. Если бы родители воспитывали своих детей, как другие народности, тогда, само собой, в сердце детей нашло бы место любовь и уважение к родителям. Пока у эстонцев не установится лучший порядок воспитания, навряд-ли можно ожидать улучшения семей-

ной и духовной жизни. Многие мужчины в Лифляндке подпали под власть водки и один дом за другим, рано или поздно, становится жертвой пьянства. Некоторые хотя и не пьют в убыток хозяйству, но в большой вред своему здоровью. Особенно, свадьба - центр пьянки. Здесь может пить стар и млад; для этого хозяин свадьбы позаботился о 5-10 ведрах водки, которые стоят 80 рублей, столько же пойдет и на другие расходы. Все это тратится в течение двух, или трех дней. За эти деньги сейчас можно купить 300 пудов пшеницы, или 400 пуд. ржи. Одним словом - это богатство, на которое один человек может прокормиться 12 лет, не чувствуя недостатка в хлебе, - растрачивается в несколько дней. Пьянство продолжается и после свадьбы, но, к счастью, здесь в эстонских селах нет кабаков, и потому оно кончается раньше. Еще можно похвалиться, что при такой пьянке нет совсем драки, потаскушки за волосы и ~~ножовщины~~ ^{ножовщины}, которые потом порождают хождение по судам.

Теперь посмотрим, как живет первый переселенец на новой родине и какое богатство село Лифляндка может считать сейчас своим.

В селе Лифляндке сейчас считается 150 душ с таковыми на поселенных (приобретенных) землях вместе. Жилых домов 25, из них 10 деревянных и другие из саманного кирпича. К этому земля на 58 ревизских душ, на каждую душу по 15 казенных десятин. Село владеет теперь 3.058 десятинами собственной земли (перев.: "вне села"), которые стоят 102.000 рублей. Еще имеется 181.400 пудов пшеницы, стоимостью в 108.600 руб. и 10.000 пудов ржи, - 16.000 рублей. В отношении скота: 136 рабочих волов-быков стоят 5.200 руб., 300 голов рогатого скота - 7.500 рублей, 42 верблюда - 2.010 руб., 600 овец - 1.800 руб., ценностью. ^{От перевод:} (Где лошади? вероятно пропуск, т.к. для общего итога не хватает 4.000 рублей. Приблизительно, стоимость

лошадей. Для пахоты богатые держали волов и верблюдов). Чистыми деньгами хранится 22.000 рублей. Сельскохозяйственный инвентарь: 400 железных борон, стоимостью в 800 руб.; 72 двухлемешных железных плуга - 2.520 руб.; 100 пароконных телег - 4.000 руб.; 8 конных молотилки - 4.000 руб.; 30 веялок - 900 руб.; 5 сено - и 5 - пшенице-косилок - 3.000 руб.; 10 конных граблей - 800 руб.; 40 одноконных телег - 1.200 руб.; 30 амбаров - 5.000 руб.; 25 жилых домов - 25.000 рублей. Все вместе на 316.400 рублей имущества, в то время, как осенью 1860 г. было только 3.000 рублей. Так возросло состояние села Лифляндки за этот период в 100 раз.^{хх)}

Лифляндка сеет каждый год 1.200 десятин пшеницы и 200 десятин ржи. Выплачивает в год: казне взносов за собственную землю 300 руб. за 3.000 десятин аренды 6.000 руб.; платит за 900 десятин душевого надела - 600 руб., рабочим в год 12.000 руб.; расходы по полеводству 8.000 руб. Отдает: за одежду 1.500 руб.; в пользу умственного труда - 100 руб.; за периодические издания 30 руб. На алкоголь расходует в год 1.000 руб., это выходит на каждого обладателя 1.000 рублями - 3 рубля, в то время как на каждого обладателя 1.000 руб. в пользу умственного труда тратится только 35 копеек. Вопрос, когда придет время что здесь будут столько же выдавать на духовную культуру, сколько на водку. Сейчас на это мало надежды.

Таким образом, современное состояние хозяйства с. Лифляндки можно назвать очень хорошим, хотя последние два года, вследствие падения цен на хлеб, у крестьян много забот и борьбы. Многие зажиточные в течение последних 3-х лет совсем не продавали хлеб, но

хх) От переводчика: Это общие цифры, вместе с теми 8-10 богачами в деревянных домах, имевшими собственные участки земли, вроде Кулазина, где, вела хозяйство часть семьи: сын выехал на собственный участок, отец оставался доживать свой век без хозяйства большого.

сейчас и у них кончаются денежные ресурсы и только один или двое среди них могут еще год, или два, прожить на старые капиталы, в то время, как более бедные - почти каждый год распродают свой хлеб, ибо денежный вопрос не дает им ждать более высоких цен. К тому же прибавляется высокая рента за казенную землю. Теперь выходит на это $\frac{1}{3}$ часть всех приходов за год. Кроме того, неслыханно вздорил в последние годы строительный и деловой лес. Например: одна строительная балка в 3 сажени длиной и сверху толщиной 8-10 дюймов, стоит 8-10 рублей, и доски длиной в 4 сажени и шириной в 10 вершков - 120 копеек штука.

Церковь и порядок богослужения. Воскресные часы богослужения начали у нас проводить в 1857 году в селе Карпенко - в избе Ю.Похла и богослужение проводил Я.Тембер. Это был тогда первый, после выселения из Эстонии, общий молитвенный час. В нем сердечно принял участие народ, потому что переселенцы сейчас знали, что значит быть на чужбине без дома; но была надежда, что дела скоро поправятся, что, слава богу, и сбылось.

В 1859 г. начали проводить богослужение (в с.Карпенко) в избе Петер Хауга, где читку проводили Юхан Хеллат, Петер Похла и Я.Тембер. В 1860 г. начали проводить богослужение в с.Лифляндке - в амбаре Ю.Похла, где Ю.Хеллат взял на себя читку и держался этой должности до 1863 года. В 1860 г. осенью в Лифляндку приехал пробст местного немецкого прихода Аллендорф вместе с пастором Дсирне, где он сказал соответствующую времени проповедь и провел молитву, и велел народу надеяться на бога. Молодежь он проверил в грамотности.

В 1861 г. Московский суперинтендент посещал местные немецкие приходы и приехал также в Лифляндку, где стол для чтения устроили под открытым небом, потому что избы были слишком тесны для собрав-

шихся. Суперинтендент сказал трогательную проповедь и молитву и, наконец, обещал позаботиться нам о церкви и книгах, что он впоследствии блистательно выполнил. С этого начинается у нас история церкви.

Северный **Екатеринштадский** евангелический лютеранского вероисповедания комитет помощи в России получил от Московского лютеранского добровольного окружного комитета 15 октября 1862 года 230 рублей для постройки в селе Лифляндке церкви, но этих денег было мало. На эти деньги купили у села Луговая Краснуха старую деревянную церковь, на перестройку которой Северный екатеринштадский комитет помощи подарил еще 400 рублей. Когда упомянутый выше Центральный комитет общества видел, что всех этих денег не хватит для постройки церкви и у **Лифляндских** крестьян тоже нет средств, тогда он постановил (по совету г. Дсирне, который был в то время секретарем комитета помощи), дать еще 704 рубля для покупки строительного материала церкви. Теперь началась стройка, и прихожане перевозили на свои средства купленную старую церковь и новый материал на место.

В 1865 г. 12 июня пастор Дсирне освятил церковь. Самую большую благодарность заслужил пастор Дсирне именно тем, что церковь построили благодаря его неустанной заботе. И Северно-екатеринштадский комитет помощи заслужил не меньшую благодарность, ибо без денежной помощи от него невозможно бы было закончить постройку церкви. Церковь построили, но не находилось кистер-учителя и должны были довольствоваться прежними чтецами, которые раньше отправляли богослужение, и таким образом, служили в новой церкви: 1865-1866 гг. Петер Похла; 1867-1870 - Якоб Тембер и 1870-1873 гг. Юхан Палло. На постройку и ремонт лютеранских церквей в России власти не ока-

зывают никакой помощи: все должно делаться на средства церковного прихода. Поэтому пастор Дсирне посоветовал нам каждое воскресенье собирать кошельком деньги, как это делается в местных немецких церквях.

1865-1866 гг. наш приход навещал два раза в год пастор Дсирне и принимал причащающихся, но в 1866 г. высшая церковная власть посоветовала нашему приходу пастора Шпрекельсена, который находится в этой должности и в настоящее время. Шпрекельсен - пастор прихода здешнего немецкого селения Шейндорф, живет от нас в 40 верстах и приезжает 2 раза в год обслуживать нас словом божьим.

В 1888 году требовалось починить у церкви колокольню и советовали обить церковь внутри досками и покрасить, но кошельком было собрано лишь 900 рублей, что считали недостаточным. Тогда решили собрать деньги и словесно назначили по 25 коп. с каждой десятины пашни. Таким образом собрали еще 280 рублей, и можно было приступить к работе. Мастеру заплатили 300 рублей. Теперь у церкви была новая колокольня. Церковь сверху обшили досками и внутри покрасили. Хоры расширили, стены оклеили обоями и, наконец, церковь покрыли новой крышей и окружили ее оградой. Купили новую люстру и крест на алтарь. Колокол, который до сих пор висел в колокольне, сняли и поставили на столбы перед церковью. У всех здешних немцев церковные колокола висят на столбах потому, что так легче звонить и не надо труда лезть на колокольню. Когда церковь была готова, ее вновь освятил пастор Шпрекельсен 6 октября. На ремонт церкви было израсходовано 1.059 рублей, так что в кассе церкви осталось еще 158 рублей. Церковную власть составляют пастор и 2 церковных старосты, которые следят за церковными делами и исполняют мелкие нужды до 10 рублей, но при необходимости больших сумм, требуется раз-

решение схода выборных (~~или гласных~~).

Школьная жизнь. В 1871 г. под руководством Ю.Палло началось временное обучение детей 2 раза в неделю. 1873 г. принят на службу новый кистер-учитель Х.Пизанг, родом из Рисского прихода в Эстонии и платили ему 55 рублей в год. В его обязанности входило говорить в церкви прихожанам проповедь и учить детей; но, к сожалению, не было еще школьного помещения. Школу поместили в одной крестьянской избе и учение пошло в первую же зиму успешно, так что многие дети, которые осенью едва разбирали буквы, весной уже хорошо читали и писали; особенно легко вперед пошла арифметика, например; некоторые дети прошли за зиму арифметику Мейера и устное вычисление шло успешно. И в последующие зимы учение шло хорошо: у учителя были способности к преподавательской работе. В 1881 г. учитель Пизанг оставил наше село, и его место занял К.Ханзен. Теперь село построило и школу, но учение не пошло уже по старому успешно. Причиной тому было маленькое жалованье учителю Кистеру. Если бы село пожертвовало на школу столько же как на алкоголь, здесь мог бы работать способный учитель и дети накопили бы неисчезающий капитал. Кроме того, школе не доставало требуемого начальства и принуждения, да и в необходимых учебниках был недостаток. Конечно, некоторые родители думали, что большой ущерб в том, что село маленькое и не может содержать местного учителя, но когда мы ~~взвешиваем~~ ^{сравниваем} свои материальные возможности с таковыми других местных народностей, тогда видно, что и эстонцы могут содержать местного учителя, но не хотят ~~это~~ ^{делать}, ибо уже и настоящего жалованья учителю в 80 рублей считают большим и некоторые члены общества не уплачивают и этого малого.

~~Каждые или~~ ^{Земские} школы работают уже больше 20 лет. Земство платит учителю 300 рублей в год и заботится об учебных пособиях,

но с. Лифляндка не может, в силу малого числа детей, использовать право на земскую школу. Вопрос, не кончит-ли рано или поздно своего прозябания школа в Лифляндке и не отдаст-ли назад свою таблицу уроков матерям, которые когда-то, сидя за прялкой исполняли и обязанности учителя?

Власть и порядок.

В Новоузенске с 1864 г. главой уездной власти является исправник, ~~он~~ с несколькими помощниками и письмоводителями. Он проживает в уездном городе и следит за жизнью народа в уезде, дает волостям предписания, когда находит это нужным; требует от власти волостей подати, следит за хлебными магазинами (запасным хлебом) и в случае появления болезней у животных или людей, дает соответствующие наказания. Должность земских ^{участковых} начальников ~~уездных~~ в России, (вместе с тем и в Новоузенском уезде) учреждена в 1889 году^{х)}, с окладом жалованья в год 2.200 рублей. На такую должность определяют только людей, окончивших высшее юридическое учебное заведение. В нашем уезде 12 земских участковых начальников и круг деятельности каждого простирается на 2-3 волости, в которых он управляет в пределах данной ему власти: следит за волостными судами, утверждает их постановления, или препровождает судебные дела в высшие инстанции, если тяжущиеся не остались довольны решением; посещает волостные сходы, где обсуждаются те, или иные волостные дела, утверждает их решения, если не находит в них ничего противозаконного; творит суд в делах актов и разбирает скандалы между хозяевами и рабочими. Творит суд между обществом и частными лицами и каждый месяц, или через 2 месяца, судит в ^{хх)} уездном съезде. Земские ^{хх)} участ^ковы^ки начальники назначены от государства, потому что в волостях нет людей, знающих глубоко законы и не одно дело получило-бы недостаточное изъяс-

х) Перевод: см. Энциклопед. словари: Брокгауз и Ефрон № 24, т. XII А, стр. 504 и "Земат", т. 42, с. 526

хх) См. приложение на следующей странице

нение и во-вторых, уездный крестьянский суд ^{х)} не был в состоянии выносить решения по судебным делам, поданным письменно волостями. Здесь уместно заметить, что раньше все судебные дела, которые волостные суды не смогли довести до конца, посылались письменно в высший крестьянский суд, ^{х)} который в гражданских делах давал заключения. Высший крестьянский суд находился в уездном городе; судья и председатель суда выбирались из жителей уезда. Теперь вместо крестьянского суда существует Уездный съезд ^{хх)}, который заседает в сл.Покровской. Управляет судом прокурор Саратовской судебной палаты, или его помощник; председатель суда является и главой-начальником уезда и судьи - земские участковые начальники. В этих судах разбираются дела, которые не смогли разобрать волостные суды, и отсюда они дальше не пойдут, т.е. считаются оконченными.

Волостная власть. Глава - волостной старшина выбирается волостным сходом на три года из местных членов волости. Старшина наблюдает за жизнью народа в волости и управляет кассой для сирот, о которой мы скажем несколько слов. В Краснокутской волости уже около 30 лет существует касса "помощи", в которую принимают на хранение имущество несовершеннолетних сирот, и уплачивают 4% годовых. При выдаче денег волостной властью в заем у заемщиков берут 12%, так что при таком ведении дела в пользу волостной кассы остается 6% и 2% вносится за письменное ведение дела, и 4% тогда пойдут в уплату, как сказано выше, за внесенные в кассу деньги. Касса разрешена и утверждена высшей властью и ею распоряжается старшина. В случае банкротства, за нее отвечает всем имуществом волость. Кроме того, старшина имеет право проверять магазины-амбары, и требовать взноса подушной подати. Волостной писарь одновременно и судебный писарь, и в последнее время у волостного писа-

х) От перев.: См. энциклопедические словари "Брокгауз и Ефрон". I) № 32, т. XVII, с. 725 - Уездные мировые съезды и с. 729. Уездные по крестьянским делам присутствия с 1874 г.

хх) 2) там же № 24, т. XII, с. 508 и "Гранат", т. 42, с. 586. Уездные съезды земских начальников с 1889 г.

ря имеется 1-2 помощника, ибо в настоящее время у волости прибавилось много дел из статистического отдела: на вопросы последнего требуются немедленные ответы.

Волостные суды до учреждения должности земских начальников. Председателем был волостной старшина и с ним рядом заседали 3 выборных из членов волости и утвержденных выше лиц. Круг деятельности суда был уже, чем у волостного суда в настоящее время. В настоящее время волостной суд составляется следующим образом. В нашей Краснокутской волости 13 сельских обществ, из которых каждое выбирает одного кандидата в волостной суд. После выборов все 13 кандидатов являются к земскому начальнику, который по своему усмотрению выбирает из них 4 судьи, и одного из 4-х назначает председателем суда. После этого выбранные лица представляются на утверждение в высшую инстанцию и утверждаются в должности на 3 года. Остальные 9 кандидатов также остаются при должности 3 года и в случае болезни, или смерти судей, из них земский начальник выбирает замену.

Волостной суд заседает не менее, чем через 2 недели, и в больших волостях каждую неделю раз. Волостному суду подлежат все крестьянские раздоры, гражданские дела; также разбирает суд уголовные дела и даже более тяжелые, которые разрешено кончать примирением. Если судящиеся не согласны, волостной суд направляет дело судебному следователю, который со своей стороны или прекращает дело, или передает в окружной суд. Волостной суд повесткой призывает тяжущихся явиться, и если ответчик не явится, суд выносит заочное решение; но если не явился истец, суд прекращает на этот раз дело, но возобновляет его вновь, если жалобщик в назначенное время устно, или письменно просил о разборе дела. Суд разбирает и решает денеж-

ные дела до 300 рублей. У него право посадить человека на 15 дней и применять телесное наказание до 20 ударов, но последнее наказание земский начальник утверждает только в исключительных случаях. Если подсудимый не доволен заключением суда, он может на третий день, после объявления постановления суда, взять копию постановления и вместе с прошением в 2 экземплярах подать местному земскому начальнику. Найдет последний заключение суда правильным, он утверждает заключение, если это не выходит за пределы его власти, или иначе - земский начальник передает дело на заключение ~~Уездному суду, т.е.~~ съезду, где выносят окончательное заключение, ибо дальше дела волостного суда не идут. Но если ~~Уездный~~ съезд найдет дело более важным или запутанным, он передает его на переразбирательство в какой-либо другой волостной суд, но в пределах круга ~~суда~~ ^{управ-} ~~ления~~ ^{ления} ~~того же земского начальника~~ ^{отсюда}, откуда дело поступило в ~~Уездный съезд~~, и ~~здесь~~ ^{отсюда} дают делу уже окончательное решение. Если в течение 30 дней обоим судящимся не выбирали копии решения, суд дает исполнительный лист сельскому старосте, который отбирает у проигравшего процесс назначенную сумму и передает выигравшему. Если у проигравшего процесс нет никакого имущества, староста составляет об этом протокол и признает его неплатежеспособным. Когда такой неплатежеспособный в течение 9 лет не смог выплатить наложенный на него платеж, тогда истец может снова подать дело во второй раз в волостной суд. Все дела должны быть поданы тому самому волостному суду, где дело происходило, но денежный долг должно требовать через волостной суд по месту жительства должника.

Сельская власть. Старший в селе, или староста, выбирается сельским сходом на три года и утверждается в должности земским начальником. Его приводят к присяге на должность через пастора или свя-

щенника. У старосты своя печать, канцелярия и писарь. Ему дают и помощника, который ведет дела в его отсутствии. Кроме того, в селах, где не менее 100 дворов, ставится на должность *сотский*, или сотник. На каждую сотню домов выбирают одного сотника на один год. Сотские тоже присягают на должность, но они служат в полицейской части и находятся под ее началом. Наконец, идут еще выбранные на один год и тоже приведенные к присяге, десятские, которые состоят одновременно под властью старосты и полиции. Обязанность десятников, главным образом, созывать сельских жителей на сходку, или передавать крестьянам послание по тому или иному делу. Такой десятник служит в нашем селе бесплатно, но в больших селах, они как и сотники, получают свою долю платы. - Кроме того, на службе в селе есть старший пожарник, который в случае пожара, берет на себя руководство. Наконец, выбирают еще несколько временных уполномоченных, например: при ревизии казенной земли, или при тяжбе села с частным лицом, или с другим селом - ходить в суд, и кроме того, уполномоченные при магазинах-амбарах, которые принимают хлеб и выдают его.

Обязанность старосты следить за хорошим порядком и правдой в селе, быть примерным для родителей и, при необходимости, наказывать молодых людей; исполнять предписания волостного суда, требовать от народа душевого налога - подати; разбирать небольшие ссоры и составлять на этот случай протоколы и выдавать их. Власть старосты достигает такого предела, что всякий житель села должен беспрекословно его слушаться, в противном случае, он имеет право оштрафовать каждого члена своего села до 1 рубля, или заключать под арест на 2-е суток, или заставлять работать на село. Как скоро староста объявил об оштрафовании кого-либо, он выдает ему копию

акта об этом, и если оштрафованный не получит в течение 7 дней из более высокого суда помилования, он должен нести наказание, и это должно быть записано в сельской книге штрафов; денежный штраф, в таком случае, пойдет в пользу села.

Сельские уполномоченные и пределы их власти.

Сельские уполномоченные выбираются в начале каждого года. В нашем селе 12 уполномоченных, и при наличии $\frac{2}{3}$ их, т.е. 8 человек, они правомочны разрешать самые важные вопросы. Например, по их приговорам ставятся вопросы уплаты подушных податей, и другие денежные дела. Они могут каждого сельского жителя который беспокоит других своим непристойным (безнравственным) образом жизни, выслать своими 8 голосами в Сибирь, но из голосов, в таком случае, не должно отсутствовать ни одного. Сельские уполномоченные имеют полное право и разрешение совершать или не совершать какое-либо действие в свою пользу, но все заключения или приговоры должны до этого быть представлены на утверждение местному земскому начальнику. Сход выборных-уполномоченных составляет в начале года смету на сельские расходы и приходы, а в конце года волостной старшина проверяет расчаты старосты, о чем пишут тогда протокол, скрепленный подписями уполномоченных и помощника старосты. Такой отчет представляют на утверждение земскому начальнику.

Прибавим еще несколько слов о платежах в нашем селе. Подушная подать в настоящее время составляет 11 рублей с души, и слагается: 1 рубль с души - сельские платежи, 1 рубль - волостные, 2руб.25коп. - земские платежи и 7 руб.17 к. ~~в~~ *смет* выкупа душевой земли. Первые три платежа не одинаковы каждый год. Духовные платежи вносим без заключения ~~схода~~ уполномоченных и живущие в селе православные в

них не принимают участия.

Некоторые изменения в делах Новоузенского душевого надела.

~~Вся душевая наделная земля, которой наделали крестьян в 1830-1870 годы, дана исключительно для того, чтобы была польза крестьянам; они были обязаны платить по 38 коп. за казенную десятину, а в 1887 году душевые наделы дали крестьянам на выкуп. Цену за наделную землю назначали при этом по качеству земли и мы, лифляндцы, платим за свой душевой надел 310 руб. 44 коп.; время нашего выкупа длится 44 года и оно кончится в 1931 г. Когда душевые наделы совсем выкуплены, крестьяне могут их продавать, но в настоящее время никто не имеет еще права продавать свой душевой надел; можно только сдавать его в аренду. Душевого надела выделяли крестьянам до 1870 года - по 15 десятин на каждую ревизскую мужскую душу, а с 1870-1880 г. - по 12 десятин и с 1881 года до 1893 - только по 8 десятин, а в 1893 г. по всей Самарской губернии прекращено выделение душевых наделов.~~⁴⁾

Последнее утеснение - уменьшение наделов произошло, конечно, потому, что каждый год приезжало много переселенцев, и казенным землям приходил конец. В настоящее время, в Новоузенском уезде казенных земель осталось $\frac{1}{12}$ часть и столько же помещичьей или собственной; вся остальная земля поделена подушно между крестьянами, и при длительном выкупе должна перейти в их собственность. Помещики, которые вначале этого столетия еще держали свои земли и часто жили в своих поместьях, в последнее время продали большую часть своих земель торговцам, или более зажиточным крестьянам. Поэтому цены на землю резко повысились. Так, около 1870 года, за десятину помещичьей земли платили 10 рублей, а в настоящее время - 35-40 рублей, и за эту цену ее не купить. Крестьяне, ставшие собственниками земли, не продают ее ни за какие деньги.

⁴⁾ От переводч. Окончание метевых работ по выделению наделов.

Бросим также взгляд на пьянство и худые дела в Новоузенском уезде и в с. Лифляндке.

Разбоя и грабежей по дороге с насильственным отнятием чужого добра здесь случается редко. Например, по большой дороге между г.Новоузенск - сл.Покровская в 1880 г. было два случая разбоя, но после этого не было слышно в этом углу о таковом злодеянии. Мы, эстонцы, проходим и проезжаем уже более 35 лет по одной боковой дороге в сл. Покровскую и хотя эта дорога тянется 75 верст, не было до сегодняшнего дня, слава богу, разбойничьего нападения. Хотя местные эстонцы едут ночью одни или по двое, но до сих пор еще никто их не трогал. Например, ехал один далеко известный лифляндский мужик из Покровской домой один и у него в кармане было несколько тысяч рублей. Для развлечения в дороге, у него с собой была водка. Пока мужик доехал до ночлега, он не раз прикладывался к синему горлышку. Распряг он лошадь, шагнул в избу и видит, что изба почти полна проезжими. Нашел наш мужик уголок, где можно отдохнуть. Проснувшись утром, он уже не помнил, когда лег спать. Осмотрелся кругом, и с ужасом видит, что пиджак, в котором он был вечером, брошен на обеденный стол. Теперь догадывался мужик, что могло стрястись. Быстро схватил он пиджак, и к своей неопишуемой радости и удивлению, нашел кошелек там, куда его еще в городе положил. Когда он рассказал о случившемся ночевальщикам, то услышал, что сам вечером до того, как лечь - положил свой пиджак на стол, где последний и лежал нетронутым до утра.

У местных эстонцев вошло в привычку, после того как все дела налажены и покупки сделаны, выпивать не одну рюмку водки на дорогу; при этом и не замечают, что солнце давно село. Тогда начинается спешная поездка домой, при чем друг не видит и не слышит друга. Трезвые мужики, само собой разумеется, часов в 10-12 ночи доезжают благополучно до постоянного двора, который отстоит 38 верст от сл. Покров-

ской и от нашего села столько же). Другие же, хлебнувшие через край портящего путь зелья, доезжают до места отдыха только к утру. Кроме таких пьющих, в нашем селе есть еще один хозяин, который совсем пал жертвой вина. Именно на этом крестьянине, я хочу показать, что такие преступления, как кража и разбой, у нас более редкое явление, чем в других местностях. Этот сосед, б.ч., ездил один в город (сл. Покровская), ибо другие избегали его слишком большой выпивки. Если случалось, что и другие крестьяне поехали с ним в город, или там встречались, но тогда все же у нашего любителя водки, по меньшей мере, была особая дорога, по которой он возвращался домой часто через 3-4 дня позднее бывших с ним вместе в городе. По прибытии домой, у мужика не доставало, то лошадей, то телеги. Приехав домой он жаловался жене и соседям на свою беду и после этого, супруги едут искать лошадей и телегу и после 2-3-х дневных поисков они приезжают домой с лошадьми, или с телегой, и даже купленный в городе товар цел; но иногда мужику приходится горевать, что выпили оставленную в телеге водку. В прошлом году случилось пишущему эти строки быть вместе с названным человеком в городе, причем вследствие обширных хлопот по делам я не мог в этот день выехать и только в следующий день доехал до нашего привычного постоянного двора. Тут слышу, что наш любитель рюмки еще вчера прибыл сюда. По словам мужика, он отвязал, чтобы скорее добраться до постоянного двора, третью лошадь вместе с санями и оставил кто знает где. Когда мужичек дня 2 пропьянствовал на месте отдыха, поехали искать лошадь и сани. Через полутора-дневных поисков он нашел лошадь и сани где-то на хуторе; весь купленный из города товар был цел, даже кнут и табак. Есть еще много случаев, по которым видно, что в Новоузенском уезде народ почти не знает воровства и разбоя, не считая кражи лошадей. Так как речь пошла о последней, то скажем

несколько слов об этом. До 1870 года здесь почти не чувствовали конокрадства. Лошади одни, без пастуха, паслись в степи сентябрь и до октября. Например, отводили целый табун села на ночь куда-нибудь на дальнее пастбище, причем погонщики лошадей возвращались домой. После спокойного сна ночью дома, утром ехали искать лошадей, которые за длинную ночь прошли несколько верст вдаль. Наконец, их находили, пригоняли домой поить, и потом гнали опять в степь на кормежку. Это повторялось каждый день. Но после 1870 года началась кража. Когда в один прекрасный вечер лошади опять были отправлены на ночь в степь, утром не доставало из лифляндского табуна 7 лучших лошадей. Сколько ни искали, ни выпрашивали, — лошади пропали. Года через два, после описанного, некий король копыт, кончил удалой свой бег в волнах лифляндского пруда. После — длинный промежуток. С 1880 г. с новой силой началась опять кража лошадей: в течение нескольких лет из Лифляндки украли несколько десятков лошадей. Сколько ни старались напасть на вора — напрасно! Потом поняли, что киргизы, которые служили табунщиками у крупных земледельцев, без сомнения занимались дополнительным ремеслом — кражей лошадей. Боролись еще пару лет с конокрадством, но без последствий. Теперь пошли со многих сторон догадки, что надо взять кого-нибудь из киргизов в табунщики и с этим, вероятно, кончится воровство лошадей. Особенно, советовали это лифляндским хозяевам владельцы крупных земельных участков и утверждали, что и у них раньше было украдено много лошадей, но с тех пор, как киргизы наняты в табунщики, у них не уведено ни одних копыт. Многие мужики из нашего села, хоть и думали, что козла в огород нельзя пускать, но что делать? Беда гонит быка в колодец и волка в село. Заказали рядом живущему крупному держателю земли найти нам одного надежного киргизина. Двумя неделями позже явился отпрыск рода Измайля принимать от нас предлагаемую ему службу. Некоторые

хозяева боялись, что такая глупая игра уведет от нас и последний хвост лошади; но когда киргиз утверждал, что он берется вполне отвечать за лошадей, по совету большинства, заключили следующий контракт: "Мы, нижеподписавшиеся крестьяне с. Лифляндки наняли киргиза пасти наш табун лошадей и платим ему с каждой лошади в год деньгами по 1 р. 20 коп., полфунта масла и 5 фунтов муки. Охрана лошадей проводится верхом на лошадях хозяев! После этого последовали подписи. И дальше: "Я, нижеподписавшийся, киргиз 2 участка при р. Торгунь, Ускали Иесупов взял на себя обязательство охранять лошадей крестьян с. Лифляндки, всех 150 голов. Охрана, или время пастбища продолжается с 15 мая по 14 ноября. На лошадях хозяев, на которых я сижу верхом, я не должен переезжать границу земель села; если это случится, уплачиваю 5 руб. штрафа. И если я позволю из доверенных мне лошадей какую-либо украсть, уплачиваю 50 рублей, также и за те лошади, которые во время моей службы будут украдены из конюшен, или в границах владений с. Лифляндки, плачу за каждую лошадь 50 руб. Также я отвечаю за ущерб, что произведут лошади на полях по моему недосмотру". За этим последовала подпись киргизина на его языке. Контракт был подкреплен еще в волостной конторе. "Но кто ответит нам за то, если в одну прекрасную ночь киргиз удерет со всем табунном?" спрашивали и думали крестьяне с. Лифляндки. Но к своему большому удивлению, увидели, что киргизин верно исполнял до конца свои служебные обязанности. Сейчас почти по всему уезду табунщиками киргизы и беда селу, где их не терпят. Например, 3 ближайших немецких села боролись против киргизов, но конокрадство не прекращалось. 2 раза ходили мужчины помянутых сел бить киргиз за воровство, в надежде, что сыны Измаила станут их бояться и оставят в покое их лошадей; но киргизы умели так ловко им отплатить, что эти села еще

осенью взяли к себе табунщиком киргизина. Киргиз и не пас лошадей этих сел, но получил по 3 коп. с лошади за то, что взял на свою ответственность сельский табун. С тех пор из этих сел не угоняли больше ни одной лошади. Но довольно об этом.

Взлома хлебных амбаров в прежнее время также почти не знали здесь. В последнее время было украдено несколько пудов пшеницы из амбаров села Лифляндки, без надобности вору при этом ломать замок. Ножовщина в кабаках, или на ярмарках также почти не известное дело. Особенно, много улучшилась жизнь народа в отношении пьянства со времени введения казенных винных лавок, т.е. продажи водки казной. Винная лавка открывается в 8 часов утра и закрывается вечером в 10 часов и после этого никто не получит капли водки, хоть умоляй на коленях. Выпивка в винных лавках совсем запрещена, даже не позволено там трогать пробки с бутылки. Сидельцы винных лавок, принявшие присягу служащие и должны предварительно внести в казну 100-400 рублей залога. Уже за превышение цен при продаже сиделец теряет свой залог и его присуждают, смотря по провинности, еще к тюрьме. Водка пересылается в винные лавки в бутылках емкостью $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{20}$ ведра, и не редко случается, что вся водка вышла в лавках. Например, в одном крупном русском селе 4 дня проходила ярмарка без водки. В дни волостных судов и выборов в сходах винные лавки закрыты с утра до вечера. Таким образом, работает для улучшения порядка в жизни высшая государственная власть, за что мы должны быть благодарны.

Другие эстонские поселения в Новоузенском уезде.

І. Балтика^и - село, в 40 верстах к востоку, по направлению к Новоузенску. Село основано в 1876 году, имеет 330 душ и душевого

надела по 12 десятин на ревизскую душу. Почва на полях хорошая, но тем более недостаток в кормах, т.к. совсем мало трав и поэтому животные уже в сентябре идут в стойло. В засушливое лето страдают и от недостатка воды. Настоящей колодезной воды совсем не достают, а должны мириться собранной плотиной прудовой водой; а в некоторые годы недостает и таковой и жители села принуждены возить для скота воду за пять верст. Уровень жизни в селе средний, но в 1889-1891 гг. пришлось не мало бороться с нуждой и вследствие этого $\frac{1}{3}$ часть жителей села выехало в 1889 году в Уфимскую губернию на арендные земли, но и здесь жизнь у них не ладилась. Некоторые из них приехали обратно, в то время как другие поехали в Сибирь искать счастья, но по слухам и там житье у них бедное. Школа и церковь в селе - под одной крышей. В первой работает дельный учитель, который одновременно исполняет и обязанность кистера (в церкви).

2-е эстонское поселение Эстонка - в 5 верстах от села Балтийка, основано в 1885 г. К сожалению, переселенцы самовольно сели на казенные земли, так что дело и в настоящее время находится под судом. Есть надежда, что государственная власть больше не стонит их.

3-е эстонское поселение Горецка - 190 душ - основано в 1880 г. в 2-х верстах от Лифляндки. Село имеет наделы по 8 десятин на душу. Полевую землю нельзя причислить к лучшей, но село арендует много казенной земли. Состояние поселка очень хорошее, но деревне недостает школы. Молитвенный дом строится. Жители деревни выехали из Ваймела волости, Пыльве прихода. В последний год почти половина жителей д. Горецка подали к выписке на сибирские земли и сейчас ждут разрешения из Министерства.

Русские живут в Новоузенском уезде уже более ста лет. В ~~18-м~~ ~~18-м~~ 18-м веке переселилось сюда, особенно много крестьян из Малороссии, они и основали слободу Покровскую в 1747 г. на левом

берегу реки Волги, против г. Саратова.

Малороссы (украинцы) до 1880 года жили скотоводством, держали быков, на которых перевозили соль из Эльтонского озера в Саратов. Эльтонское соляное озеро Царевского уезда Астраханской губернии находится в 300 верстах от Саратова и более ста верст от левого берега реки Волги. Саратовские купцы требовали в то время около 1 миллиона пудов соли в год, которую крестьяне должны были подвозить совсем за низкую плату, ибо им платили за провоз 50 пудов соли только 3 рубля. Соль перевозили на волах (быках). В каждую подводу запрягали пару волов, и один мужчина мог управлять 3-4 парами, ибо пары быков привязывали одну за другой сзади подвод, так что оставалось управлять только первой парой. Соль возили только летом, когда быки могли кормиться в степи. Соль возили по необыкновенно, около 80 сажений, широкой степной дороге, которая сохранилась еще и в настоящее время. С появлением на Волге пароходов кончился длинный путь перевозки. Теперь соль подвозят на быках только до р. Волги, откуда она идет баржами до Нижнего-Новгорода. В начале нашего столетия малороссы начали заниматься земледелием.

Позднее, особенно после отмены крепостного права, из средних губерний сюда хлынул тысячами народ и селился по берегам Волги. Но так как немецкие колонисты уже заняли большую часть Волжских берегов, русские селились и по ^{бассейнам} рр: Узени и Еруслан.

Об народном образовании хорошо заботятся: в каждом более-менее крупном селе есть церковь со священником, церковно-приходская и земская школы. Русские работящи, приветливы к чужим, послушны к властям.

Менониты поселились в Новоузенском уезде одновременно с эстонцами в Лифляндке. Они живут 15 верст к западу в 10 селениях, около

300 семей. У них значительно больше ~~прав~~ земли, чем у других народностей: каждой семье дано по 60 казенных десятин. Они не живут вместе селом, а каждая семья на своем участке. В ведении полевого и домашнего хозяйства менониты впереди других народностей и могут быть примером каждому земледельцу.

Менониты — это отколовшаяся от протестантской религии секта. У них 12 выборных мужчин по очереди ведут проповедь. Церковь без колокольной. Государство разрешило им иметь свои школы и творить меж себя суд в границах общегосударственных законов. Строения и сельско-хозяйственный инвентарь у них в хорошем состоянии, прямо в примерном.

Об киргизах, которые сейчас служат табуниками, может быть, интересными являются кратко следующие сведения. Они коренные жители этих степей, родственны туркам ^{х)} и магометанской веры. До половины восемнадцатого века они жили, т.е. кочевали, в побережье Волги от г. Самары до г. Астрахани, но при поселении здесь немцев, правительство выгнало их из мест старого кочевья и они перешли в районы рек: Торун, Малый и Большой Узени и Рынь. О том, что здесь, где сейчас живут христиане, в старину обитали кочевники, свидетельствуют несчетные курганы, часто встречающиеся по всей округе. Курганы большие и меньшие. Большие — места прежних киргизских аулов или кибиток, а поменьше — места погребения. Они возведены из близ лежащей земли, круглые, 2-3 сажени в поперечине и 3-6 футов высоты. Так как киргизы кормились скотоводством, они селились на пониженных местах, где находили более обильный и лучший корм своим

х) Переводч. посм. "Описание киргиз-кайсацких орд и степей", т.3, стр.51; помесь: турецко-монгольского происхождения.

животным; поэтому на пониженных местах несчетное количество таких оставшихся после селений курганов. На этих курганах киргизы устраивали свои кибитки, чтобы уберечься от наводнений и снежных буранов. Шатры (кибитки) круглые, как кучи сена, 1,5 - 2 сажени в поперечине и 6 футов в высоту. Кибитку (войлочный шатер) делают так: из прутьев готовят связанные каркасы и покрывают их толстым войлоком (кошмой), чтобы лучше противостояли холоду и ветру. Вместо двери тоже ^{кошма} (войлочная циновка). В середине крыши (вроде верха копны) оставляют отверстие, откуда выходит дым. В таких кибитках киргизы жили раньше - лето и зиму, а теперь они зимуют в землянках. Любимое блюдо у них конина; павших животных они никогда не едят, не едят также и мяса животных, которых резал какой-либо иноверец, будь-то еврей или христианин. Зарезал кто лошадь или овцу, к угощению приглашают всех друзей и знакомых и начинается веселый пир.

Своей веры и порядка молитвы киргиз твердо соблюдает. Он молится каждое утро во время восхода солнца и вечером во время захода, при этом держит лицо по направлению к Мекке. Например, раз я ехал из с. Ровного домой; передо мной гарцовал киргизин. Как только солнце стало садиться, он слез с седла, расстелил свой коврик, стал на колени и молился, не давая себя рассеивать чужому спутнику. Киргизы - неграмотный народ, редко кто умеет читать и писать.

Выше говорилось, что после занятия берегов Волги немцами киргизы обитали в области рр.: Торгуна, Малого и Большого Узеней. Здесь, особенно, реки Узени весной далеко разливают по степным просторам свои воды и заполняют бесконечные, число падьей - понижений. В мае, когда вода высыхает из лиманов (понижений), начинает буйно расти трава, к уже в июне достигает до аршина высоты. Здесь жили киргизы со своими стадами. Зажиточные имели тысячами лошадей, рогатого скота и верблюдов, но среди них были и бедные, которые пасли стада

богатых. Лошадей и верблюдов киргизин осенью гнал на ярмарку продавать и покупал себе одежду и другое, необходимое для обихода. Так беспечно жили кочевники, пока в 1879 году в их жизнь не вошла страшная разрядка. До названного года у киргизов не было в обычае заготавливать на зиму животным сено, потому что те всю зиму ходили по пастбищам, где всегда находили корм по лощинам и лиманам, куда их летом не пускали. Зима 1879-1880 г. положила конец такому беспечному содержанию скота. Снег покрыл на 2 аршина степные равнины. Потом пошел дождь и за ним ледяная корка покрыла последние былинки трав, так что животные нигде не могли достать корма. Вследствие голода начался падеж скота. Богатые киргизы гнали свой скот по направлению к Саратову, чтобы их там поддержать зиму. Но большая часть погибла в дальней дороге.

Немецкие поселенцы или колонисты поселились в Новоузенском уезде по побережью реки Волги с 1764 г., другие, которые сейчас живут ~~по~~ ^{вместе} по реке Еруслана, приехали в 1850-1852 гг. Право переселяться из Германии, со многими льготами, им дала императрица Екатерина II. В течение 30 лет после вселения они были освобождены от всех платежей и до 1874 года их не требовали на военную службу. Сейчас они живут в больших селах, у них свои церкви, школы и учителя. О культуре народа и воспитании детей они очень заботятся, но в последнее время среди них многие стали бедными. Это печальное явление происходит отчасти, может быть, и оттого, что немцы любят строить из себя барина. На работу, которую эстонцы исполняют 3-мя мужчинами, им требуется 6-8 человек. Родился у немца внук, дед уже свободен от всех забот, хотя-бы ему было немногим более 40 лет. Явление, что дед так рано вступает в почетный возраст, объясняется тем, что сын женится 18-20 лет.

1896 г. 18 мая. Христиан Палло.